

Пауло КОЭЛЬО

АЛХИМИК

Роман

Перевод: БАДЬЯНОВ Денис Владимирович

Алхимик.

От переводчика: Это мой первый, после окончания ИнЯза в 2018 году, перевод литературного произведения. Его я посвящаю своей маме. Потому что, если бы не её сон, вряд ли я поступил бы в Университет Мировых Языков на факультет "Теория и практика перевода", где, собственно, и состоялось моё знакомство с этим гениальным романом Пауло Коэльо. А так как языком обучения в Университете являлся английский, то и Алхимика я читал на английском (язык оригинала - португальский), и, что удивительно, ни разу не прочёл его в переводе на русский.

Данный перевод зарегистрирован в агентстве по авторским правам.

Пролог

Полистав, оставленную кем-то из каравана, книгу, алхимик наткнулся на историю о Нарциссе.

Он знал этот миф о юноше, проводившего на берегу озера дни, любясь отражением своей красоты. Он был настолько очарован собой, что однажды не удержался, упал в озеро и утонул. На месте его падения вскоре вырос цветок, имя которому дали нарцисс.

Но автор книги не закончил на этом своё повествование.

Он написал, что после смерти Нарцисса, появившиеся лесные нимфы, обнаружили, что всегда свежие воды озера превратились в солёные слёзы.

«Почему ты плачешь?»- спросили нимфы.

«Я плачу по Нарциссу», - ответило озеро.

«Неудивительно. Если мы видели его лишь в лесу, ты одно могло любоваться его красотой вблизи»

«Но... разве Нарцисс был красив?»

«Кто лучше тебя может знать об этом?»- удивились лесные нимфы, -
«Это возле твоего берега просиживал он днями, разглядывая себя!»

Немного помолчав, озеро, наконец, сказала:

«Я плачу по Нарциссу. Но я никогда не замечало, что он красив. Я плачу, потому что каждый раз, когда он склонялся над моими водами, я могло видеть, как в глубине его глаз отражается моя красота»

«Какая прекрасная история», - подумал алхимик.

Глава 1

Юношу звали Сантьяго. Солнце уже скрылось за горизонт, когда он со своим стадом подошёл к заброшенной церкви с давно рухнувшей крышей и огромным платаном, выросшем на месте ризницы.

Он решил, что заночует здесь. Увидев, как все овцы прошли сквозь разрушенные ворота, он положил несколько досок поперёк входа, чтобы не дать животным выйти наружу. Волков в округе не было, но как-то ночью, недосчитавшись отбившейся от стада овцы, юноша весь следующий день потратил на её поиски.

Разложив на полу куртку, он улёгся на неё, положив под голову вместо подушки книгу, которую недавно прочёл, сказав при этом, что в следующий раз будет читать книги потолще: они и читаются дольше, и как подушки удобнее...

Юноша проснулся посреди ночи и, глядя сквозь полусгнившую крышу в небо, увидел звёзды. Он подумал о том, что было бы неплохо поспать ещё, но... Сон, который он видел той ночью, был удивительно похож на тот, который приснился ему неделю назад, и вновь пробуждение пришло ещё до завершения сна.

Он поднялся, и, взяв посох, принялся будить овец, которые всё ещё спали. Он уже давно заметил, что многие овцы просыпаются вместе с ним. Казалось, что какая-то неведомая сила связала его жизнь с жизнью этих овец, с которыми он провёл уже два года, водя их по полям в поисках еды и воды. «Они уже так привыкли ко мне, что знают мой распорядок». Немного поразмышляв над этим, юноша понял, что может быть всё совсем не так, как ему кажется, и это он уже привык к их распорядку.

Некоторые животные не спешили просыпаться. Юноша растолкал их посохом – одну за другой – называя каждую по имени. Он всегда верил, что овцы наделены способностью понимать его речь. Поэтому временами он читал им наиболее яркие отрывки из книг, или рассказывал о пастушечьем одиночестве или счастье, или о вещах, виденных в пройденных ими деревнях.

Но вот уже несколько дней подряд он говорил с ними лишь об одном: девушке – дочери лавочника, живущей в деревушке, куда они доберутся через четыре дня. Он был в этой деревне всего лишь раз, год назад. Лавочник владел магазином текстиля. Его требованием было, чтобы овец стригли только в его присутствии. Он не хотел быть обманутым. О магазине юноше рассказал знакомый и поэтому он привёл своих овец именно туда.

«Я хотел бы продать немного шерсти», - сказал он торговцу.

В магазине было не протолкнуться, и лавочник попросил пастуха подождать до полудня. Юноша сел на ступеньках магазина и достал из мешка книгу.

«Я и не знала, что пастухи умеют читать», - услышал он позади себя.

У девушки была типичной для Андалусии внешность – вьющиеся чёрные, как смоль волосы, и глаза, которые отдалённо напоминали о мавританских завоевателях.

«Ну, обычно я больше узнаю от своих овец, чем из книг», - ответил он. За два часа, что они разговаривали, девушка рассказала, что она дочь лавочника, и о том, как живётся в деревне, где каждый следующий день не отличается от предыдущих. Юноша же поведал ей о просторах Андалусии, рассказал о событиях в городах, где он останавливался. Разговаривать с девушкой было намного приятнее, чем с овцами.

«Как ты научился читать?» - внезапно спросила она.

«Как и все – в школе».

«Тогда почему, если ты умеешь читать, ты всего лишь пастух?»

Юноша пробормотал нечто невразумительное, что позволило ему уклониться от прямого ответа на её вопрос. Он был уверен, что она никогда не поймёт. Он продолжил рассказывать о своих странствиях, а её яркие мавританские глаза расширились от страха и удивления. По прошествии времени юноша поймал себя на мысли о том, что он не хочет окончания этого дня, не хочет, чтобы её отец, наконец, закончил все дела. Он готов был ждать его здесь, на ступеньках магазина, хоть целую вечность. Он понял, что чувствует нечто такое, чего прежде никогда не чувствовал: желание осесть где-нибудь навсегда. И с этой девушкой с чёрными, как ночь, волосами, ни один следующий день уже не будет похож на предыдущие.

Но вышедший из магазина лавочник попросил юношу остричь четырёх овец. Заплатив за шерсть, он сказал пастуху вернуться в деревню через год.

И вот всего каких-то четыре дня отделяли его от этой деревни. Он был взволнован и в то же время встревожен: а вдруг девушка уже забыла его. В деревню заходит много пастухов, чтобы продать шерсть.

«Это ничего не значит», - обратился он к овцам, - «в других деревнях живут другие девушки»

Но сердцем он чувствовал, что это для него очень много значит. Он также знал, что пастухи, как и моряки, и странствующие торговцы,

всегда найдут местечко, где есть кто-то, кто сможет заставить их забыть об удовольствиях беззаботных странствий.

Солнце уже клонилось к западу, и юноша стал подгонять овец. Он подумал, что овцам нет необходимости принимать решения. «Может быть поэтому они всегда рядом со мной».

Овцам нужны были лишь вода и еда. Покуда пастух знает, где найти лучшие пастбища в Андалусии, они его лучшие друзья. Да и дни их не отличались разнообразием – лишь бесконечно долгие часы между солнцем и тьмой. А ещё, они в молодости никогда не читали книг и не понимали пастуха, когда тот рассказывал им о великолепии городов. Единственное, чем они довольствовались, была еда и вода, в обмен на которые они щедро откупались своей шерстью, своим обществом и, иногда, своим мясом.

«Если я, вдруг, превращусь в чудовище», - думал юноша, - «и решу перерезать одну за другой всех овец, то они, наверное, поймут всё происходящее только тогда, когда практически всё стадо будет заколото. Они доверяют мне и поэтому уже забыли, как полагаться на свои инстинкты, потому что я даю им пищу».

Юноша удивился тому, о чём он думал. Может быть церковь, с растущим платаном внутри ему просто померещились. Или, может, всё произошедшее стало причиной его повторяющегося сна, а, может, именно это и стало причиной гнева, направленного на его верных спутников. Он отхлебнул немного вина, оставшегося от вчерашнего ужина, и плотнее запахнул куртку. Он знал, что несколько часов спустя, когда солнце окажется в зените, а жара будет невыносимой, он уже не сможет вести стадо по полям. Как раз в эти часы вся Испания спит. Лето. Жара длилась до наступления сумерек, и всё это время юноша нёс свою куртку в руках. Но как только он решил пожаловаться на тяжесть ноши, он вспомнил, что, если бы не куртка, то не справиться бы ему с холодом испанских ночей.

«Мы должны быть готовы к переменам», - подумал юноша и был признателен и тяжести куртки, и её теплоте.

И как куртка имела своё предназначение, точно так же, своё предназначение было и у юноши. Целью его жизни были путешествия, и уже через два года странствий по землям Андалусии он знал все города этой области. В этот раз он собирался объяснить девушке, как случилось так, что простой пастух умеет читать. До исполнения шестнадцати лет он посещал семинарию. Его родители хотели, чтобы сын стал священником и тем самым - предметом гордости простой фермерской семьи. Они упорно трудились, чтобы добыть для себя пропитание, прямо как овцы. Юноша выучил латынь, испанский и теологию. Но, уже будучи

маленьким мальчиком, Сантьяго хотел познать мир и именно это было для него самым главным, а не познания о Боге и человеческих прегрешениях. И, однажды, навещая семью, он собрался с духом и рассказал отцу, что не хочет быть священником, а жаждет путешествовать.

«Люди со всего мира проходят через нашу деревню, сын», - сказал отец. «Они прибывают сюда в поисках чего-то нового, но, уезжая, остаются теми же самыми людьми, какими были. Они поднимаются в горы, чтобы полюбоваться на тамошние замки, а покидая эти места, думают, что в те времена было лучше, чем сейчас. И не важно, какого цвета их кожа и волосы, потому что, в сущности, они такие же люди, что живут здесь».

«Но я хочу увидеть их замки и их города», - объяснил юноша.

«Когда эти люди видят наши земли, они говорят, что хотели бы жить здесь всегда», - продолжил отец.

«Но я хочу увидеть их земли и узнать, как живут эти люди».

«У людей, приезжающих сюда, много денег, поэтому-то они и могут путешествовать. Среди простых людей есть только одни, которые могут путешествовать – пастухи».

«Тогда я буду пастухом!»

Отец не сказал ничего. На следующее утро он вручил сыну кошелёк с тремя старинными испанскими золотыми монетами.

«Однажды я нашёл их на поле. Я хотел, чтобы они стали частью твоего наследства. Но, раз так, купи на них стадо. Побродив по полям ты, однажды, поймешь, что нет лучшего места, чем то, где твой дом, и что ты нигде не встретишь женщин прекраснее наших».

И отец благословил сына. Внезапно юноша уловил во взгляде отца искру желания – желание самому исследовать этот мир, путешествуя – и эта искра ещё не погасла, несмотря на то, что отец сам вынужден был загасить её, чтобы день за днём, год за годом работать, добывая для своей семьи пропитание и иметь крышу над головой.

Окрасив горизонт красным, показалось солнце. Юноша, мысленно вернувшийся в тот разговор с отцом, почувствовал себя счастливым. Он уже повидал бесчисленное множество замков, повстречал бесчисленное множество женщин (ни одна из которых не могла сравниться с той единственной, которая ждала его, и с которой его разделяли всего несколько дней пути). С ним были его куртка, книга, которую он мог обменять на другую и стадо овец. Но самое главное было не это. Важнее всего было то, что каждый день его мечта воплощалась в жизнь. Если бы

его утомили просторы Андалусии, он продал бы овец и отправился в плавание. К тому времени, как ему наскучило бы и море, он уже повидал бы другие города, других женщин и другие возможности для счастья. Наблюдая за рассветом, он подумал, что не смог бы найти Бога в семинарии.

Всякий раз, когда выпадала такая возможность, он выискивал новые, ещё неизведанные пути. Ещё ни разу не забредал он к этой разрушенной церкви, несмотря на то, что бывал в этих краях не раз. Мир был безграничен и неисчерпаем. Полагаясь на овец в выборе маршрута, юноша всякий раз открывал для себя новые интересные вещи. А овцы и понятия не имели, что каждый день идут новым путём. Они не сознавали, что поля, которые они проходят, не похожи одно на другое, что лето сменяется осенью, осень – зимою и дальше по кругу. Всё, что их заботило – это еда и вода.

А может быть всех нас заботит одно и то же. Даже меня – ведь с тех пор, как я встретил дочь лавочника, ни об одной другой женщине я и не помышлял. Взглянув на солнце, он прикинул, что доберётся до Тарифы ещё до полудня. Там он сможет выбрать себе книгу потолще, наполнить вином бутылку, постричься и побриться; он должен был подготовиться к встрече с девушкой. И он даже мысли не допускал, что какой-нибудь другой пастух со стадом вдвое больше, чем у него, уже просил её руки.

«Наверное, это правда, что реализация мечты делает жизнь интереснее», – подумал юноша.

Вдруг он вспомнил, что в Тарифе живёт одна старуха, которая умеет разгадывать сны.

Гадалка провела юношу в одну из комнат своего дома, которая отделялась от гостиной занавесом из нитей с насаженными на них разноцветными бусинами. Всё убранство комнаты состояло из стола, изображения Спасителя и двух стульев. Женщина села, предложив юноше последовать её примеру. Затем, взяв обе его ладони в свои, начала тихо молиться.

Казалось, что юноша слышит цыганскую молитву: ему не раз приходилось сталкиваться в пути с цыганами, которые также как и он, странствовали, не имея при этом стада овец. Местные шептались, что цыгане живут тем, что обманывают других. Также поговаривали, что у них договор с нечистым, что они крадут детей и делают из них своих прислужников. Ещё ребёнком он до смерти боялся быть украденным цыганами. И вот, когда старуха взяла его ладони в свои, детские страхи внезапно вернулись к нему.

Но у неё висит изображение Спасителя, успокаивал он себя. Лишь бы не начали дрожать руки, чтобы не выдать страх, думал он. Он безмолвно прочёл Отче Наш.

«Очень интересно», - произнесла женщина, не отрывая взгляда от его ладоней. В комнате вновь воцарилось молчание.

Юноша занервничал, его начала колотить мелкая дрожь, и женщина немедленно это почувствовала. Он поспешно высвободил свои руки из рук гадалки.

«Я пришёл сюда не для того, чтобы Вы разглядывали мои ладони», - сказал он, сожалея, что вообще сюда пришёл. Он подумал, что может будет лучше просто заплатить ей и уйти, не узнав ничего, и, что он придаёт слишком большое значение своему, повторяющемуся время от времени, сну.

«Ты здесь, чтобы узнать о своих снах», - сказала старуха. «Сны – это язык Бога. Когда он говорит на нём, я могу раскрыть смысл сказанного. Но, если Он говорит с тобой на языке души, то только ты один можешь понять Его. Но, что бы там ни было, ты заплатишь мне за приём».

«Ещё один фокус», - подумал юноша. Но всё-таки решил остаться. Пастухи всегда испытывают судьбу, как, например, при встрече с волками или при засухе, и эти вещи делают их жизнь интереснее.

«Я вижу один и тот же сон», - произнёс юноша. «Мне снится, что я на поле вместе со своим стадом, как вдруг, появляется ребёнок и начинает играть с животными. Я не люблю такое поведение людей из-за того, что овцы испытывают страх перед незнакомцами. Но дети – совсем другое дело и овцы их не боятся. Не знаю почему, точно также как и не знаю, откуда овцам известен возраст человека».

«Рассказывай дальше и побыстрее», - сказала женщина. «Я вижу, ты не богат. Поэтому мне нет смысла долго возиться с тобой»

Немного раздосадованный, юноша продолжил: «Поиграв с овцами, ребёнок внезапно обхватил меня своими ручками и перенёс к египетским пирамидам».

Он умолк на мгновение, пытаясь понять, слышала ли старая гадалка о египетских пирамидах раньше. Но она молчала.

«Затем, там, у египетских пирамид», - он произнёс последние три слова нарочито медленно, чтобы старуха поняла, - «ребёнок сказал мне, что если я, в самом деле, окажусь здесь, то найду зарытые сокровища. Но, именно в тот момент, когда дитя хочет показать мне точное место, я всякий раз просыпаюсь».

Помолчав некоторое время, женщина опять принялась изучать его ладони, но в этот раз делала это намного внимательнее.

«Я не возьму с тебя денег», - сказала она, - «но ты отдашь мне десятую часть найденного тобой богатства».

Юноша рассмеялся от счастья. Он сможет сохранить немного своих денег благодаря сну о зарытых сокровищах!

«И всё же, объясните мне сон», - сказал он.

«Для начала поклянись мне. Поклянись, что отдашь мне десятую часть сокровищ в обмен на то, что я тебе скажу».

И пастух поклялся, что отдаст. Старуха потребовала поклясться на изображении Спасителя, что он и сделал.

«Этот сон говорил с тобой на языке вселенной», - сказала гадалка. «Я могу раскрыть его смысл, но это очень тяжело и поэтому я заслуживаю часть того, что ты найдёшь. И вот тебе моё толкование: ты должен отправиться к египетским пирамидам. И хоть я никогда о них и не слыхивала, они существуют, потому что тебе показал их ребёнок. И там ты найдёшь то сокровище, которое сделает тебя богачом».

Удивление юноши сменилось раздражением. Зачем он нашёл эту старуху. Но, вспомнив, что ему не надо платить за визит, сказал:
«Я только зря потратил время».

«Я предупреждала тебя о сложности толкования. Подчас самые простые вещи в жизни на деле оказываются самыми необычными, и только подготовленные могут понять их смысл. А так как я не из них, то мне пришлось осваивать искусство чтения линий на руке».

«А как же я попаду в Египет?»

«Я всего лишь толкую сны, а не занимаюсь их воплощением в реальность. Может быть именно поэтому я и живу за счёт своих детей».

«А что, если я никогда не попаду в Египет?»

«Тогда я не получу своих денег, как впрочем бывало уже не раз».

И гадалка велела ему убраться, потому что он и так отнял у неё слишком много времени.

Разочарование юноши было столь сильно, что он поклялся никогда больше не верить снам. Он вспомнил, что ещё ничего не ел с утра, поэтому купил себе на рынке еды, обменял свою старую книгу на книгу потолще, и нашёл на площади свободную скамейку, где и собрался попробовать только что купленное вино. День был жарким и вино освежало. Овцы были у городских ворот в стойле, принадлежащим его знакомому. Юноша многих здесь знал. Чем хороши были путешествия, так это возможностью заводить новые знакомства без обязательства уделять им всё своё свободное время. **Когда ежедневно видишь одних и тех же людей,** как это было с ним в семинарии, **они**

постепенно становятся частью твоей жизни. Затем они начинают хотеть изменить тебя. И, если ты не соответствуешь их требованиям, они злятся. Кажется, что у каждого человека есть чёткое представление о том, как другие люди должны проживать свои жизни, но, ни у одного человека нет ни малейшего представления о том, как прожить свою жизнь.

Прежде чем вести овец обратно на пастбище, он решил дождаться пока солнце не начнёт клониться к западу. Через три дня он увидит дочь лавочника. Он принялся читать купленную книгу. На первой странице описывались похороны, в которых принимало участие бесчисленное множество людей с труднопроизносимыми именами. Если бы он когда-нибудь задумал написать книгу, размышлял юноша, то вводил бы героев постепенно, чтобы читателю не пришлось ломать голову, придумывая, как же запомнить все имена сразу.

Когда он всё-таки сосредоточился на чтении, книга показалась ему довольно сносной: похороны проходили зимой и на секунду ему показалось, что он чувствует морозный воздух того дня. В это же самое время на скамейку уселся старик, который сразу же попытался завести разговор.

«Чем занимаются эти люди?»- спросил старик, указывая на снующие взад-вперёд фигуры.

«Работают», - сухо ответил юноша, не отрываясь от книги, давая понять, что увлечён чтением.

На самом деле он размышлял о том, как будет стричь овец, находясь рядом с дочерью лавочника, чтобы она смогла удостовериться в том, что он способен выполнять любую, даже настолько сложную работу. Он уже неоднократно представлял себе эту сцену, и каждый раз девушка изумлялась его объяснению искусства стрижки овец. Он пытался припомнить побольше интересных историй. Не важно, что большинство этих историй он вычитал в книгах, он сумеет связать их со своей жизнью. Она никогда не узнает правды, потому что не умеет читать.

Тем временем, старик не прекращал попыток завязать разговор. Он посетовал на то, что сильно устал и испытывает жажду, и попросил разрешения отхлебнуть вина из сосуда, принадлежащего пастуху. Юноша позволил, в надежде, что старик оставит его в покое.

Но старику хотелось поговорить, и следующим вопросом был вопрос о книге, которую читал юноша. Сантьяго хотел уже было нагрубить и пересест на другую скамейку, но тут вспомнил, что отец всегда учил его быть почтительным к людям старшего возраста. Поэтому он протянул книгу старику. Причин было несколько: во-первых, Сантьяго не знал как читается название, а во-вторых, если старик не умеет читать, он, почувствуя стыд, и, возможно сам захочет сменить скамейку.

«Хм», - задумчиво произнёс старик, повертя книгу в руках так, как если бы она была каким-то неизученным предметом. «Это очень важная книга, но она и в самом деле очень скучна».

Юноша был поражён. Старик не только умел читать, но и, оказывается, уже прочёл эту книгу. И, если книга на самом деле настолько скучна, как говорит об этом старик, Сантьяго ещё может обменять её на другую.

«Это книга рассказывает о вещах, о которых написаны сотни других книг в мире», - продолжил старик. «Она говорит о том, что люди неспособны распознать своё Предназначение. А заканчивается описанием того, что каждый верит в величайшую ложь на земле».

«А что это за величайшая ложь?» - спросил юноша, удивляясь всё больше и больше.

«А это вот что: в какой-то момент нашей жизни, мы утрачиваем контроль над тем, что происходит с нами, и начинаем полагаться на судьбу. Вот это и есть величайшая ложь на земле».

«Со мной такого никогда не случалось», - сказал юноша. «Родители хотели, чтобы я стал священником, но я выбрал путь пастуха»

«И это верное решение», - сказал старик. «Всё потому, что ты любишь путешествовать».

«Он читает мои мысли», - подумал юноша. Тем временем, старик листал книгу, и, казалось, не собирался её возвращать. Сантьяго обратил внимание на то, что одежда старика была довольно необычной. Выглядел он как араб, что было в этих местах неудивительно, потому что Африка лежала всего в паре часов пути от Тарифы – всего-то и нужно было, что пересечь узкий пролив на корабле. Арабы часто появлялись в городе, закупая различные товары и читая нараспев свои странные молитвы несколько раз в день.

«Откуда Вы?»

«Отовсюду»

«Никто не может быть отовсюду. Вот я – пастух, который побывал во многих местах, но где бы я ни оказался, я всегда буду оттуда, где был рождён – из города у старинного замка».

«Ну, тогда, могу сказать, что я был рождён в Салиме».

Юноша не имел ни малейшего представления о Салиме, но, боясь показаться невежей, промолчал. Некоторое время он смотрел на людей, появляющихся на площади из ниоткуда и исчезающих в никуда, которые все, без исключения, казались очень занятыми.

«Ну, и как там Салим?» - спросил Сантьяго в надежде получить хоть какую-нибудь зацепку.

«Без изменений»

Да, старик явно не хочет вдаваться в подробности. Но юноша твёрдо знал, что Салим находится не в Андалусии, иначе он о нём наверняка бы слышал.

«А чем Вы занимаетесь в Салиме?»- настаивал он.

«Чем?»- рассмеялся старик. «Я – царь Салима!»

«Люди иногда говорят странные вещи»,- подумал юноша. С овцами намного спокойнее – они хотя бы молчат. А лучше всего – быть наедине с книгами. Они рассказывают свои необыкновенные истории лишь тогда, когда тебе хочется их выслушать. Но, разговаривая с людьми, ты порой слышишь такие странные вещи, что попросту не знаешь как реагировать.

«Моё имя Мельхизедек»,- сказал старик. «Сколько овец у тебя есть?»

«Предостаточно»,- ответил юноша. Он подумал, что старик хочет знать больше о его, Сантьяго, жизни, чем рассказать о своей.

«В этом-то и проблема. Я не смогу помочь тебе, если ты веришь, что у тебя всего в достатке».

Юноша почувствовал, что теряет самообладание. Ему не нужна была помощь. Это старик попросил отхлебнуть вина из бутылки и начал этот разговор.

«Отдайте мне книгу»,- сказал Сантьяго. «Мне со своим стадом надо идти».

«Отдай мне десятую часть твоего стада»,- произнёс старик,-«и тогда я расскажу тебе, как найти зарытые сокровища».

Юноша вспомнил свой сон, и, внезапно, всё прояснилось. Гадалка, которая не взяла с него денег. Теперь этот старик. Может быть он муж этой цыганки и сейчас старается любым способом заполучить деньги в обмен на рассказ о вещах, которых вообще не существует. Наверное, он тоже цыган.

Но, ещё до того, как Сантьяго успел сказать хоть слово, старик наклонился, поднял какую-то палку и начал писать ею на песке площади. Внезапно, ослепительный пучок света, исходящий от Мельхизедека, лишил юношу возможности видеть происходящее. А старик, казалось бы, невидимый ни для кого, продолжал, с задором молодого человека, чертить на песке письмо. Когда зрение вернулось, Сантьяго смог прочесть написанное на песке.

Там, на песке площади этого захолустного городка, он прочёл имена своего отца, матери, название семинарии, в которой учился. Прочёл, до сих пор неведомое ему, имя дочери лавочника, и много таких вещей, о которых он никому и никогда не рассказывал.

«Я – царь Салима», - сказал старик.

«Почему же царь разговаривает с пастухом?» - спросил Сантьяго, напуганный и сконфуженный.

«По нескольким причинам. Но важнее всего то, что тебе удалось распознать своё Предназначение».

Юноша не знал о значении слова «Предназначение».

«Это то, чего ты всегда хотел достичь. Всякий человек, когда он молод, знает о своём Предназначении. И именно в это время человеку всё кажется понятным и исполнимым. Это время, когда человек не боится мечтать, когда он стремится ко всему непостижимому, и когда не существует страха перед последствиями. Но с годами, какая-то неведомая сила начинает убеждать человека, что всё задуманное невозможно и ему уже никогда не исполнить своего Предназначения».

Ничто, из сказанного стариком не произвело на юношу огромного впечатления. Но, ему стало интересно, что же это за «мистическая сила» такая – дочь лавочника наверняка безумно удивится, когда он расскажет ей об этом!

«Эта сила, кажущаяся надоедливо-ненужной, на самом деле показывает, как воплотить Предназначение человека. Она готовит дух и волю, потому что на земле существует лишь одна великая истина: кто бы ты ни был, и чем бы ни занимался, когда ты действительно чего-то хочешь, то это значит, что желание зародилось в Душе Мира. Это и есть твоя миссия на земле».

«Даже если всё, что ты хочешь – путешествия, или женитьба на дочери лавочника?»

«Да, и даже поиск сокровищ. Ведь Душа Мира живёт людскими радостями, как впрочем, и горестями, злостью и завистью. Так что исполнение своего Предназначения – единственная обязанность человека.

И, когда ты чего-то хочешь, вселенная прилагает все усилия, чтобы помочь тебе в достижении желаемого».

Они некоторое время молчали, рассматривая людей на площади. Старик первым нарушил молчание.

«Почему ты стал пастухом?»

«Потому что я люблю путешествовать».

Старик указал на пекаря, стоящего у витрины своего магазина на углу площади: «Когда он был ребёнком, то тоже хотел путешествовать. Но сначала он решил купить пекарню и скопить немного денег. Теперь,

будучи уже немолодым, он, скорее всего, съездит на месяц в Африку. Он никогда не осознавал, что **любой человек, в любой момент своей жизни может исполнить то, о чём мечтает.**

«Ему нужно было стать пастухом», - сказал Сантьяго.

«Он думал об этом», - откликнулся старик, - «но пекари, в отличие от пастухов, более значимы. У них есть дома, тогда как пастухи спят где придётся. И родители с большей охотой выдадут своих дочерей замуж за пекаря, нежели чем за пастуха».

Юноша почувствовал острую боль в сердце, когда подумал о дочери лавочника. В её деревушке наверняка найдётся подходящий пекарь.

Старик продолжил: «И в конце концов, люди начинают думать, что стать пастухом или пекарем важнее выполнения своего Предназначения».

Старик полистал книгу и принялся читать со страницы, на которой остановился. Юноша, подождав немного, прервал его чтение: «Зачем Вы мне всё это рассказываете?»

«Потому что ты стараешься понять своё Предназначение. А ещё потому, что ты сейчас готов всё бросить».

«Вы всегда появляетесь в этот момент?»

«Не всегда таким образом, но всегда в той или иной форме. Временами я принимаю форму ответа на вопрос, а иногда форму хорошей идеи. В другое время, в самые критические моменты жизни, я смягчаю удары судьбы. Есть много всего прочего, сделанного мной, но многие люди даже не осознают этого»

И старик рассказал, как за неделю до этого, он явился перед рудокопом в образе камня. Рудокоп отказался от всего, чтобы, работая на руднике, отыскать изумруды. Пять лет он упорно трудился у реки, обрабатывая сотни тысяч камней, в надежде найти изумруды. Рудокоп был на грани отчаяния. Он уже собирался всё бросить – вот только проверит ещё один камень и ещё один, и ещё, и.... И так как рудокоп пожертвовал всем ради своего Предназначения, Мелькизедек решил, что пора явить себя. Он превратился в камень и скатился к ногам рудокопа, который в гневе и разочаровании от пяти бесплотных лет, проведённых в поисках, поднял его и отшвырнул в сторону. Но отшвырнул он его с такой силой, что камень раскололся и, упав, обнажил изумруд – самый прекрасный изумруд во всём свете.

«Люди рано узнают о смысле жизни», - сказал старик с горечью в голосе, - «и, может быть именно поэтому, они так рано опускают руки. Но такова жизнь»

«Вы что-то говорили о сокровищах!» - напомнил старику Сантьяго.

«Мощь водяного потока может, как скрыть, так и обнажить сокровища», - проговорил старик. «Если ты хочешь узнать о своём сокровище, ты отдашь мне десятую часть своего стада».

«Как насчёт десятой части моих сокровищ?»

Мельхиседек выглядел разочарованным: **«Если ты начинаешь обещать то, чего у тебя ещё нет, твоё желание получить это вскоре растает».**

Юноша рассказал, что уже обещал отдать десятую часть сокровищ цыганке.

«Цыгане поднаторели в вопросах получения того, что им надо», - вздохнул старик. «Как бы там ни было, ты понял, что всё в жизни имеет свою цену и это хорошо, потому что именно этому и стремятся научить человека Воины Света».

Старик вернул книгу юноше.

«Завтра, в это же самое время, приведи мне десятую часть своего стада. В обмен на это я расскажу тебе как найти зарытые сокровища. Всего хорошего».

И старик скрылся за поворотом.

Сантьяго вновь принялся было за чтение, но сконцентрироваться на книге не получалось. Он был и возбуждён и расстроен, потому что понимал – старик прав. Зайдя в пекарню купить хлеба, он задумался, а стоит ли рассказать пекарю всё то, что сказал о нём старик. Он подумал, что иногда будет лучше не менять ничего, и решил промолчать. Рассказав всё пекарю, он заставил бы его крепко призадуматься дня на три, а не оставить ли ему всё привычное, чтобы открыть неизведанное. Юноша безусловно мог противиться всему, что вызвало бы беспокойство у пекаря. Поэтому он принялся слоняться по городу, пока не оказался у ворот. Здесь примостилась неприметная будка с крохотным окошком, где все желающие могли купить билет в Африку. И он знал, что Египет находится в Африке.

«Чем могу помочь?» - осведомился кассир в будке.

«Может быть, завтра», - сказал Сантьяго, попятившись назад. Даже если он продаст всего лишь одну овцу из стада, у него будет достаточно денег, чтобы добраться до соседнего берега. И эта мысль испугала его.

«Ещё один мечтатель», - сказал кассир помощнику, наблюдая за отступлением юноши. «У таких, обычно, даже денег нет».

Стоя у окошечка кассы, юноша внезапно подумал о своём стаде, и решил, что ему будет лучше опять вернуться к привычному занятию. Два года,

проведённые бок о бок с овцами, сделали его знатоком многих тонкостей: он знал всё о стрижке, знал, как ухаживать за беременными овцами или как защитить их от нападения волков. Он знал каждый закоулок Андалусии с её лучшими полями и пастбищами. И, конечно же, он знал настоящую цену каждого животного.

Он отправился забирать овец из хлева своего приятеля, с твёрдым намерением пуститься с ними в путешествие по самым дальним уголкам Андалусии. Проходя мимо замка он, неожиданно для самого себя, оказался на площадке, ведущей к его стенам. Оттуда открывался живописный вид на пролив с дымчатой полоской суши на горизонте - берег Африки, откуда прибыли, захватившие Испанию, мавры.

С площадки, где сидел Сантьяго, он мог видеть практически весь город, включая площадь, где он впервые встретил старика. «Пропади пропадом тот час, когда я встретил этого старика», - подумал он. «Ведь я завернул в этот городок просто для того, чтобы найти старуху, толковательницу снов». И ведь ни гадалка, ни старик не придали ни малейшего значения тому, что он пастух. Они были людьми больше не верящими в обстоятельства и не понимавшими, что пастух становится неотъемлемой частью своего стада. Он знал всё о каждой своей овце: какая из овец больна, какая родит через пару месяцев, а какая сама ленивая. Он знал и как их стричь, и как забивать. И им будет невыносимо тяжело, если он когда-нибудь захочет оставить их.

Поднялся ветер. Левантер. С этим ветром из Ливана на восточную оконечность Испании и прибыли захватчики-мавры.

Левантер усиливался. «Вот я», - подумал юноша, - «нахожусь здесь, между своими овцами и сокровищами». **Перед ним стояла непростая задача: он должен был выбрать между тем, к чему он уже давно привык и тем, чем бы хотел обладать.** Была также и дочь лавочника, но она не значила для него столько же, сколько стадо, потому что не зависела от него. Может, она уже давно забыла Сантьяго. Юноша был уверен, что для неё не имел никакого значения день его появления. Для неё каждый следующий день был повторением предыдущего. А когда люди живут подобной жизнью, то это значит лишь одно, что они даже не пытаются увидеть те удивительные вещи, которые происходят с ними ежедневно. «Я оставил всё в прошлой жизни: и средневековый замок в нашем городке, и отца, и мать. Они, так же, как и я, вероятно, уже привыкли к моему отсутствию. Значит, привыкнул и овцы», - размышлял юноша.

А на площади продолжала бурлить жизнь. Люди заходили и выходили из пекарни. На скамейку, где он разговаривал со стариком, уселась молодая парочка и начала целоваться.

«Этот пекарь...», - подумал юноша, и не закончил мысль, потому что почувствовал крепчавший, с каждой секундой, ветер, который

безжалостно дул ему прямо в лицо. Да, с этим ветром в Испанию пришли мавры. Но сейчас этот ветер принёс с собой и жаркое дыхание пустыни, и едва уловимый таинственный аромат, покрытых чадрой, женщин. Он также принёс волнения и сновидения людей, которые однажды, навсегда оставив свой дом, отправились навстречу неизвестности, сокровищам, приключениям и пирамидам. Юноша почувствовал нестерпимую зависть к свободе ветра и вдруг понял, что и сам обладает такой же свободой.

Не было ничего, что могло бы удержать его здесь, кроме него самого. И всё: овцы, дочь лавочника, поля Андалусии, всё это было лишь очередным шагом на пути к его Предназначению.

На следующий день, в полдень, юноша вновь встретился со стариком. С собой он привёл шесть овец.

«Я удивлён», - заявил юноша. «Остальных овец купил мой знакомый. Он сказал, что всегда мечтал стать пастухом и что это хороший знак».

«Так всегда бывает», - сказал старик. «Это закон везения. Когда ты впервые играешь в карты, ты практически всегда уверен в своей победе. Новичкам везёт»

«Почему?»

«Потому что появляется сила, которая хочет, чтобы ты реализовал своё Предназначение и которая, ароматом победы, возбуждает твой аппетит».

Старик начал проверять овцу за овцой и заметил, что одна из них хромает. Юноша объяснил, что это совершенно не имеет значения, потому что она лучшая в стаде – спокойная, сообразительная и с густой шерстью.

«Так, где же сокровища?» - спросил он.

«В Египте у пирамид».

Юноша вздрогнул. Старуха сказала то же самое. Но ему это ничего не стоило.

«Чтобы найти сокровища, следуй за знаками. Богом для каждого приготовлена своя дорога. Тебе остаётся только читать знаки, которые Он оставляет тебе»

Ещё до того, как Сантьяго смог хоть что-то сказать, между ним и стариком пролетела прекрасная бабочка. Он вспомнил слова своего деда, что бабочки – это хорошая примета, точно так же, как сверчки, ящерицы и четырехлистный клевер.

«Правда», - сказал старик, который мог прочесть мысли юноши. «Точно, как учил тебя твой дед. Это хорошие приметы»

Старик распахнул плащ, и юноша был поражён увиденным. На груди старика висел, покрытый бесчисленным множеством драгоценных

камней, внушительных размеров медальон. Сантьяго вспомнил яркий свет, который видел вчера.

Старик действительно царь! Ему следовало бы переодеться, чтобы избежать встречи с бандитами.

«Возьми», сказал старик, протягивая Сантьяго белый и чёрный камни, которые были вставлены в центр золотого медальона. «Это Урим и Тумим. Чёрный означает «ДА», а белый «НЕТ». Когда ты не сможешь разгадать знаки, они помогут тебе в этом. Только всегда задавай недвусмысленные вопросы.

Но, если можешь, старайся принимать свои собственные решения. Сокровища у Пирамид – это ты уже знаешь. Я должен был настоять на том, чтобы ты заплатил мне шестью овцами, потому что я помог тебе принять своё собственное решение»

Юноша положил камни в мешок. С сегодняшнего дня он будет сам принимать решения.

«Не забывай о том, что чем бы ты ни занимался, должно быть ради твоей цели и никак иначе. Помни о языке знаков. И самое главное, выполни своё Предназначение до конца.

А сейчас, прежде чем оставить тебя, я расскажу тебе одну небольшую историю»

«Один лавочник отправил своего сына к мудрейшему человеку на земле, чтобы узнать секрет человеческого счастья. Через сорок дней мытарств по пустыне, юноша, наконец, подошёл к великолепному замку, стоящему на вершине горы, в котором и жил мудрейший. Войдя в главную залу дворца, где сидел мудрец, юноша был поражён увиденным: входили и выходили торговцы, повсюду беседовали люди, оркестр играл восхитительную музыку, а огромный стол был уставлен всевозможными яствами. Мудрец разговаривал с каждым прибывшим, так что юноше пришлось прождать своей очереди два часа».

«Мудрец внимательно выслушал причину, которая привела юношу к нему, сказав, что именно сейчас он ограничен по времени для объяснения секрета счастья. Он попросил его погулять по замку и возвратиться через два часа».

«Но я хочу попросить тебя ещё кое о чём», - сказал мудрец, протягивая юноше ложечку с несколькими каплями масла. «Гуляя по замку, носи с собой эту ложечку так, чтобы масло не разлилось».

«Юноша, в течение всего времени, забирался и спускался по самым крутым лестницам замка, не сводя глаз с ложки. Через два часа он возвратился в залу, где его ожидал мудрец».

«Ну что же», - сказал мудрейший. «Как тебе понравились прекрасные Персидские гобелены в обеденной зале? Ты видел мой изумительный сад, на создание которого у лучших садовников ушло десять лет? А что ты скажешь о старинных пергаментах в моей библиотеке?»

«Юноша был смущён и откровенно признался, что ничего этого не видел. Единственное, о чём были все его мысли, как не разлить доверенное ему масло».

«Тогда возвращайся обратно и изучи каждый уголок моего замка», - сказал мудрец. «Ты не можешь верить человеку, если ничего не знаешь о его доме»

«Вздохнув с облегчением, юноша взял ложечку с маслом и вновь отправился в путешествие по замку, осматривая всё - от пола до потолка. Он увидел вокруг себя сады, горы, красоту цветов, оценил вкус, с которым всё было подобрано. По возвращении, он в деталях рассказал мудрецу обо всём увиденном».

«А где же масло, которое я доверил тебе?» - спросил мудрец.

«Взглянув на ложечку в своих руках, юноша увидел, что в ней больше нет масла»

«Есть только один совет, который я могу дать тебе», - сказал мудрейший из мудрых. «Секрет счастья заключается в том, чтобы видеть все чудеса мира, но никогда не забывать о нескольких каплях масла в ложечке».

Пастух не произнёс ни слова. Он понял смысл истории, рассказанной стариком. Пастуху может нравиться путешествовать, но он никогда не должен забывать о своём стаде.

Старик, взглянув на Сантьяго, сделал руками несколько взмахов над его головой, забрал овец и растворился в сутолоке площади.

В Тарифе есть форт, построенный маврами. С вершины его стен можно увидеть смутные очертания Африки. Сидя на стене форта, Мельхизедек, царь салимский, чувствовал, как левантер неистово дует ему в лицо. Овцы, стоя невдалеке, заметно нервничали, ещё не успев привыкнуть к своему новому владельцу и произошедшим изменениям. Еда и вода – всё, что было им нужно.

Мельхизедек смотрел на маленькое судёнышко, которое, рассекая волны, выбиралось из порта. Он никогда больше не увидит Сантьяго, точно так же, как больше никогда не видел Авраама, после получения с него десятой части платы. Это была его работа.

У богов нет желаний, потому что у них нет Предназначения. Но Мельхизедек был уверен, что юношу ждёт успех.

«Жаль, что вскоре он забудет моё имя», - подумал Мельхизедек. «Мне нужно было повторить его ещё раз. И когда он заговорил бы обо мне, то заговорил бы о Мельхизедеке, царе салимском».

Он, в небольшом смущении, поднял глаза к небу и произнёс: «Я знаю, Бог мой, что это тщеславие. Но должен же старый царь хоть иногда гордиться собой»

«Странная эта Африка», - думал юноша.

Он сидел в каком-то трактирчике, как две капли воды похожим на десятки других трактиров на узких улочках Танжера, в которых мужчины курили какие-то гигантские трубки, передавая их друг другу. Вот уже несколько часов он наблюдал за гуляющими мужчинами, женщинами с покрытыми тканью лицами, а так же за служителями культа, которые, взбираясь на высокие башни, начинали монотонно петь, и каждый, услышав это пение, немедленно становился на колени, прижимая к земле свой лоб.

«Языческие ритуалы», - подумал он. В церкви, будучи ребёнком, он всегда смотрел на изображение Святого Сантьяго Матамороса на белом коне, с обнажённым мечом и на такие же, как здесь, коленопреклонённые людские фигуры у его ног. Юноша, внезапно, остро почувствовал свою беспомощность и одиночество. Язычники не выглядели дружелюбно.

Помимо всего прочего, в стремлении путешествовать, он не учёл одной немаловажной детали, которая могла надолго заставить его забыть о сокровищах: в этой стране говорили лишь на арабском.

Когда к нему подошёл владелец трактира, юноша указал на напиток, который был подан на стол по-соседству. Напитком оказался крепкий чай. Юноша предпочёл бы вина.

Но это не сильно занимало сейчас его ум. Всё, о чём он должен был беспокоиться, так это сокровища и каким образом он может заполучить их. От продажи своих овец, он получил довольно солидный барыш. Он так же знал, что у денег есть какая-то магия – их обладатель никогда не будет одинок. Вскоре, может быть даже через пару дней, он окажется у Пирамид. Старик с золотым медальоном на груди не стал бы врать, просто, чтобы заполучить шесть овец.

Старик говорил о знаках и приметах. Переплывая пролив, мысли юноши были заняты только этим. Да, старик знал, о чём говорит: когда Сантьяго был пастухом в Андалусии, он научился выбирать дороги, где смог бы увидеть все красоты природы. Он узнал, появление каких птиц говорит о том, что рядом змея, а какие растения – предвестники воды. Этому научили его овцы.

«Если Бог показывает путь овцам, то он также покажет путь человеку», - думал он, и эта мысль придала ему бодрости. И чай показался ему не таким уж и крепким.

«Кто ты?» - произнёс кто-то по-испански.

Юноше стало легче. Только он подумал о знаках, как появился этот незнакомец.

«Почему ты говоришь по-испански?» - спросил Сантьяго. Перед ним стоял молодой человек со смуглой кожей и в европейской одежде; было понятно, что он из местных. Молодой человек был примерно одного роста и одного возраста с юношей.

«Мы всего в паре часов от Испании. Здесь почти каждый говорит по-испански».

«Садись и позволь мне угостить тебя», - сказал Сантьяго. «И, пожалуйста, закажи мне бокал вина, потому что этот чай ужасен».

«В этой стране нет вина», - ответил молодой человек. «Здесьняя религия не позволяет пить спиртное»

Затем юноша рассказал своему новому знакомому о необходимости добраться до египетских пирамид. Он начал было рассказывать и о сокровищах, но сдержался. Он подумал о том, что если расскажет о них, молодой араб, вполне вероятно, захочет получить какую-то их часть, в оплату за помощь. Он вспомнил, что старик сказал про обещания того, чем ты ещё не обладаешь

«Я бы хотел, чтобы ты помог мне туда добраться. И, конечно же, я могу заплатить тебе за это»

«У тебя есть план, как добраться туда?» - спросил молодой человек.

Сантьяго заметил хозяина трактира, который, стоя невдалеке, внимательно слушал их разговор. В присутствии этого человека, он чувствовал тревогу. Но, он нашёл проводника, и ему не хотелось упустить такую возможность.

«Предстоит пересечь всю пустыню Сахару», - сказал молодой человек. «А для этого нужно много денег. Покажи мне, что у тебя есть».

Юноша счёл этот вопрос странным. Но он верил словам старика, который сказал, что **когда ты действительно чего-то хочешь, вселенная прилагает все усилия, чтобы помочь тебе в достижении желаемого.**

Достав деньги из мешка, юноша показал их молодому человеку. Подошёл владелец трактира и начал таращиться на деньги. Потом он и молодой человек обменялись несколькими словами по-арабски. Хозяин трактира был зол.

«Пойдём отсюда», - сказал новый знакомец. «Он хочет, чтобы мы ушли»

Юноша почувствовал облегчение. Он встал, чтобы расплатиться, но хозяин сгрёб его в охапку и начал безостановочно что-то тараторить. Юноша был силен и хотел нанести ответный удар, но он был иностранцем в чужой стране. Его новый друг оттолкнул мужчину и вывел Сантьяго на улицу. «Ему нужны были твои деньги», - сказал он. «Танжер – это не вся Африка. Это порт, а в каждом порту есть свои грабители».

Сантьяго доверился новому приятелю. Он выручил его из беды. Достав деньги, юноша пересчитал их.

«Завтра мы будем у пирамид», - сказал молодой человек, взяв деньги у Сантьяго. «Но нам нужно купить двух верблюдов».

Вдвоём они шли по узким улочкам Танжера. И везде вокруг стояли палатки, с разложенными на продажу товарами. Наконец, они вышли к огромной рыночной площади. Там были тысячи людей, которые спорили, продавали и покупали; овощи лежали вперемешку с кинжалами, а ковры продавались рядом с табаком. Но Сантьяго ни на минуту не сводил глаз со своего приятеля. Ведь он отдал ему все деньги. Он сперва подумал о том, чтобы попросить того вернуть их, но решил, что это будет некрасиво с его стороны, потому что он не знал ничего о культуре этой страны.

«Я буду следить за ним», - сказал он себе. Он знал, что превосходит силой своего нового знакомого.

Вдруг, среди всей этой сумятицы, юноша увидел меч, прекраснее которого, он ещё не встречал. Ножны меча были украшены серебром, а его чёрная рукоять инкрустирована драгоценными камнями. И юноша пообещал себе, что по возвращении из Египта, он купит этот меч.

«Спроси владельца о цене меча», - сказал он приятелю и вдруг понял, что отвлёкся, чтобы осмотреть меч, на довольно долгое время. Сердце в его груди сжалось так, как если бы грудь превратилась в безжалостные стальные тиски. Он боялся обернуться, потому что знал, что будет там, позади. Он продолжил рассматривать меч ещё некоторое время, пока, наконец, не собрался с мужеством, чтобы обернуться. Вокруг был рынок, с людьми, ходившими туда-сюда, галдевшими на разные лады, покупающими всякую всячину, и к этому всему ещё примешивался непривычный запах незнакомой еды... попутчик Сантьяго бесследно исчез.

Юноше хотелось верить, что его приятель случайно отстал. Поэтому он продолжил стоять на одном месте, дожидаясь его возвращения. На башню, стоящую неподалёку, взойшёл служитель культа и начал молитву. На площади все опустились на колени, и, прижав головы к земле, внимали молитве. Затем, как колония рабочих муравьёв, торговцы разобрали свои палатки и разошлись.

Сантьяго наблюдал за траекторией, уходящего к западу солнца, пока оно окончательно не скрылось за домами, окружавшими рынок. Он вспомнил восход солнца сегодня утром, когда он был ещё пастухом на другом континенте, с шестьюдесятью овцами, и надеждой на встречу с дочерью лавочника. В то утро, он знал всё, что может приключиться с ним, когда он будет странствовать со своим стадом по уже знакомым полям Андалусии. А сейчас, когда солнце вот-вот исчезнет за горизонтом, он был в другой стране – чужак на чужой территории, на языке которой он даже объясниться не мог. Он уже не был пастухом, у него не было ничего, и он уже не мог вернуться, чтобы попробовать начать всё сначала.

«И всё это произошло в промежутке между восходом солнца и его закатом», - думал юноша. Он почувствовал искреннюю жалость к самому себе и принялся сокрушаться о своей жизни, которая в одно мгновение так круто изменилась.

Ему стало так стыдно, что захотелось плакать. Но он никогда не плакал, даже перед овцами. Но на пустой рыночной площади, вдали от дома, он, вдруг, заплакал. Он плакал над несправедливостью Бога и над тем, как Бог воздаёт всем, кто верит снам.

«Когда у меня были овцы, я был счастлив, точно так же, как и овцы были счастливы со мной. Меня уважали люди, со мной считались», - думал юноша. «А сейчас мне грустно и одиноко. И теперь я буду относиться к людям с озлобленностью и недоверием из-за того, что меня предали. Я буду ненавидеть тех, кому удалось отыскать свои сокровища, потому что я не смог найти свои. И я буду крепко держать в руках то ничтожное, что имею, потому что я слишком ничтожен, чтобы завоевать мир».

Он распахнул мешок, чтобы посмотреть, не осталось ли на дне хоть что-нибудь, пусть даже кусочка недоеденного на корабле бутерброда. Но всё, что он нашёл, были лишь книга, куртка и два камня, которые дал ему старик.

Взглянув на камни, он немного успокоился. Хоть он и отдал за них шесть овец, теперь можно спокойно продать эти драгоценные камни, которые старик снял с золотого медальона у себя на груди и купить обратный билет. «Но в этот раз я буду умнее», - подумал юноша, убирая камни в карман. Это портовый город. А единственной правдой здесь было то, что такие города полны грабителей.

Только теперь он понял, чем был так встревожен владельца трактира: он пытался предупредить его о грозящей опасности. **«Я, как и многие другие, воспринимаю мир таким, каким мне хочется его видеть, а не таким, какой он есть на самом деле».**

Он медленно покрутил камни в руке, ощущая их температуру и чувствуя их неровную поверхность. Камни были его сокровищем. И, просто держа их в руке, он чувствовал себя спокойнее. Они напомнили ему о старике. **«Когда ты действительно чего-то хочешь, вселенная прилагает все усилия, чтобы помочь тебе в достижении желаемого».**

Юноша попытался понять смысл сказанного. Вот он, на пустой рыночной площади, без гроша в кармане и без овец. Но в его ладони лежали камни, которые служили доказательством того, что он встретил царя – царя, который знал всё о простом пастухе.

«Они называются Урим и Тумим, и они помогут тебе прочесть знаки». Юноша положил камни в мешок и решил испытать судьбу. Старик говорил задавать только конкретные вопросы и юноша уже знал, что это за вопрос. Поэтому он спросил, а было ли благословение старика всё ещё с ним.

Он вытащил из мешка один из камней. «ДА».

«Ехать ли мне за сокровищами?»

Он засунул руку в мешок и пошарил там, в поиске камня. Неожиданно оба камня выкатились из дырки в мешке, которую юноша никогда не замечал, и упали на землю. Сантьяго опустился на колени, чтобы найти Урим и Тумим и положить их обратно в мешок. Но увидев их, лежащих один подле другого, он вспомнил другую фразу.

«Учись читать знаки и следуй им», - сказал старый царь.

Знак. Юноша улыбнулся. Он поднял камни и положил их обратно. Его не беспокоила дыра в мешке – ведь камни могли выпасть оттуда и раньше. Он понял, что о некоторых вещах лучше не спрашивать, потому что невозможно сбежать от своего Предназначения.

«Я обещаю, что буду принимать решения сам», - сказал он.

Однако камни сообщили ему, что старик всё ещё был с ним, и это придало ему уверенности. Он вновь оглядел пустую площадь, на этот раз уже не чувствуя отчаяния. Место не было чужим, оно было новым.

В конце концов, а разве это не то, что он всегда хотел: узнавать новые места. Даже если он никогда не увидит пирамиды, он уже забрался так далеко, о чём ни один пастух и подумать не мог. О, если бы они только знали сколько разных открытий им предстоит сделать проплыви они всего каких-то два часа на корабле от того места, где они сейчас находятся. И, хотя сейчас его новым миром была всего лишь эта пустая рыночная площадь, он видел на ней бурлящую энергией жизнь, и такое ему точно не забыть. Он вспомнил меч. Воспоминание слегка огорчило его, но он и вправду никогда не видел ничего прекраснее. Раздумывая над этим, он понял, что должен сделать выбор: думать о себе, как о

жертве ограбления или как об искателе приключений, охотящимся за сокровищами.

«Я – искатель приключений, охотящийся за сокровищами», - сказал он.

Он проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Вчера он уснул прямо в центре рыночной площади, на которой, с наступлением утра, опять начиналась жизнь.

Оглядевшись по сторонам, он поискал глазами стадо, и понял, что он в новой реальности. Но он не был огорчён, наоборот, он чувствовал себя счастливым. Ему не нужно больше искать пропитание для стада, вместо этого он может отправиться на поиски сокровищ. И, хоть в его карманах не было ни одной монетки, у него была вера. Ведь прошлым вечером он твёрдо решил для себя, что станет таким же искателем приключений, как те, которыми он восхищался в книгах.

Он не спеша прошёлся по рынку и помог продавцу сладостей установить палатку. На лице торговца играла счастливая улыбка, потому что он знал, для чего живёт и для чего начинает каждый свой день. Его улыбка напомнила юноше о старике – таинственном царе, которого он встретил. «Ведь этот торговец сладостями не изготавливает и не продаёт своего товара столько, чтобы в будущем отправиться в путешествие или жениться на дочери какого-нибудь владельца магазина. Он делает свою работу, потому что она доставляет ему удовольствие», - подумал Сантьяго, и понял, что может делать то, что делал царь салимский – чувствовать, как близко или далеко человек находится от своего Предназначения. Просто взглянув. «Оказывается, это чрезвычайно легко. И почему я раньше этого не делал», - размышлял он.

Когда палатка была установлена, торговец предложил юноше первую сладость, которую он приготовил для продажи на сегодня. Сантьяго, поблагодарив лавочника, съел её и пошёл прочь. Внезапно, он понял, что пока они устанавливали палатку, каждый из них разговаривал на своём языке – один на арабском, второй на испанском, и оба они прекрасно понимали друг друга.

«Должно быть, это язык независимый от слов», - думал он. «И, точно так же, как я говорил на этом языке с овцами, так же происходит и с людьми».

Он узнал много нового. Конечно, с некоторыми вещами он уже сталкивался, но не осознавал этого. А не осознавал лишь потому, что привык к ним. Он понял: Если он способен понимать язык без слов, то способен понять и весь мир. Чувствуя в душе умиротворение, он решил, что ему снова надо пройти по узким улочкам Танжера, потому что только так он сможет прочесть знаки. Он знал, что это потребует от него

довольно много терпения, но пастухи обладали этим качеством в избытке. И вот опять, когда он увидел эти узкие улочки в этой чужой стране, он усвоил ещё один урок, похожий на тот, который он усвоил с овцами – всё едино.

В то утро, торговец хрусталём проснулся как обычно, с тоской на сердце. Вот уже тридцать лет, как он торгует в своём магазине на вершине небольшого холма, к которому ведёт извилистая дорога и куда заходит лишь пара-тройка покупателей. Теперь было уже слишком поздно что-то менять, потому что всё, что он умел - это лишь торговать хрусталём. А ведь были дни, когда о его магазине знали практически все: купцы-арабы, английские и французские геологи и даже немецкие солдаты, которые, кстати, всегда были при деньгах. В те дни, продавать хрусталь было невероятно прибыльно, и торговец частенько подумывал о том, как он станет дородным богачом и обладателем самого большого гарема.

Но время шло, Танжер менялся. Сеута – город недалеко от Танжера развивался быстрее, и вести дела там было намного выгоднее. Соседи давно съехали и на холме остались лишь несколько крохотных магазинчиков, ради посещения которых не каждый хотел подниматься сюда.

Торговцу не оставалось ничего другого, как смириться. Ведь всю жизнь он только и делал, что покупал и продавал хрусталь. И сейчас было уже слишком поздно что-то менять.

Всё утро провел он, наблюдая за полупустынной улицей. Он делал это уже много лет и знал всех, кто проходит мимо. Но незадолго до обеда перед магазином остановился юноша. Намётанный глаз торговца сразу определил, что, хоть тот и был одет вполне прилично, у него не было денег, чтобы купить даже какую-нибудь дешёвую безделушку. Несмотря на это, торговец решил повременить с обедом и дождаться ухода посетителя.

Табличка на двери магазина гласила, что здесь говорят на нескольких языках. Перед юношей возникла фигура хозяина магазина.

«Если хотите, я мог бы вытереть все хрустальные фужеры на витрине», - сказал он. «То, как они выглядят сейчас, не вызовет желания купить их»

Мужчина безучастно смотрел на него.

«За это Вы могли бы меня накормить».

А так как хозяин продолжал молчать, Сантьяго почувствовал, что сейчас он должен сам принять решение. В мешке всё также лежала его куртка, которая вряд ли понадобится ему в пустыне, и, достав её, он начал

протирать фужеры. Через полчаса весь хрусталь сверкал на солнце в витрине магазина, что привлекло двоих посетителей, которые купили немного посуды.

Закончив с работой, юноша попросил хозяина накормить его.

«Пойдём, пообедаем», - сказал торговец.

Зайдя в придорожное кафе, и усевшись за единственный столик, торговец рассмеялся.

«Тебе не нужно было протирать хрусталь», - произнёс он. «Коран говорит мне накормить голодного»

«Тогда зачем Вы разрешили мне это сделать?»

«Потому что хрусталь был пыльный. Да к тому же, нам обоим нужно было очистить своё сознание от дурных мыслей»

Пообедав, торговец повернулся к юноше и сказал: «Я бы хотел, чтобы ты работал у меня в магазине. Сегодняшние покупатели – это не случайность, а хороший знак».

«Люди так много говорят о знаках, не понимая того, о чём говорят эти знаки», - подумал пастух. «Так же, как и я, долгие годы не признавал того, что говорю со своими овцами на языке без слов».

«Хочешь работать в моём магазине?»

«Весь сегодняшний день и всю сегодняшнюю ночь, которая продлится до восхода солнца, я буду до блеска начищать весь хрусталь в Вашем магазине», - ответил Сантьяго. «Наутро, я хочу получить деньги, чтобы добраться до Египта».

Торговец рассмеялся. «Даже если ты будешь натирать до блеска хрусталь целый год..., даже если ты будешь получать хорошие проценты от каждой продажи товара, тебе всё равно придётся занять денег на то, чтобы добраться до Египта. Между Танжером и Египтом тысячи километров нескончаемой пустыни»

Воцарилась мёртвая тишина. Казалось, что всё вокруг было в оцепенении. С базаров не долетало ни единого звука, не было слышно споров купцов, молитв с минаретов. Не было ни надежды, ни приключений, ни старого царя, ни Предназначения, не было ни сокровищ, ни пирамид – ничего. Казалось, что наступившая вокруг тишина, это отражение тишины в душе Сантьяго. Он сел на стул и невидящим взглядом уставился в проём двери, желая умереть, чтобы всё сейчас происходящее, навсегда закончилось.

Торговец с тревогой наблюдал за Сантьяго. Весь юношеский задор, который был в глазах этого мальчугана, внезапно исчез.

«Я могу дать тебе немного денег, чтобы ты добрался домой, сынок», - сказал он.

Юноша молчал. Потом он встал, поправил одежду, поднял мешок и сказал: «Я буду работать у Вас». И, после небольшой паузы, добавил: «Мне нужны деньги для покупки овец».

Глава 2

Ровно месяц прошёл с того самого дня, когда Сантьяго впервые появился на пороге магазина. Он прекрасно понимал, что эта работа не сделает его счастливым. Торговец, проводивший весь день за прилавком, и, постоянно бормоча что-то себе под нос, время от времени напоминал ему о хрупкости хрусталя и о том, что надо быть очень осторожным с этим товаром.

И всё же он продолжал работать, потому что, несмотря на то, что торговец и был старым ворчуном, он платил юноше щедрые проценты от продажи, так что Сантьяго мог уже копить деньги. В то утро, он подсчитал, что если будет работать в таком же ритме каждый день, ему понадобится целый год, чтобы купить всего несколько овец.

«Я хочу установить выставочный стенд для хрусталя», - поделился Сантьяго с торговцем своей мыслью. «Мы установим его снаружи и, таким образом, привлечём покупателей, которые толпами ходят у подножия холма»

«Зачем? Люди будут задевать его, хрусталь будет биться».

«Когда я ходил со своим стадом по полям, бывало, что какая-нибудь овца могла погибнуть от укуса змеи. Такова жизнь».

Торговец повернулся к покупателю, которому были нужны три хрустальных бокала. Дела налаживались... эх, если бы можно было вернуть то время, когда эта торговая улица была главным местом притяжения для всех.

«Дела и в самом деле идут лучше», - произнёс торговец, после ухода покупателя. «Намного лучше. И вскоре, ты сможешь купить себе новое стадо. Зачем просить у жизни большего?»

«Потому что мы должны следовать за знаками», - неожиданно для самого себя ответил Сантьяго. Он тут же пожалел о сказанном, потому что торговец никогда не встречал царя.

«Это закон везения, счастливый случай. Ведь жизнь хочет, чтобы каждый человек выполнил своё Предназначение», - так говорил старый царь.

Но торговец понял, о чём говорил Сантьяго. Само присутствие юноши в магазине было знаком и, по прошествии некоторого времени, когда в кассу потекли деньги, он ни на секунду не пожалел о его появлении. Юноша получал даже больше, чем того заслуживал обычный продавец, потому что, торговец, думая, что продажа хрусталя возрастет ненамного, предложил юноше хорошие комиссионные. И Сантьяго подсчитал, что вскоре сможет вернуть себе стадо.

«Почему ты хотел ехать к пирамидам?» - спросил он, не желая сейчас думать о стенде.

«Потому что слышал о них», - ответил юноша, ни слова не сказав о своём сне. Сейчас, сокровища уже ничего не значили для него, лишь болезненные воспоминания, и он старался не думать о них.

«Я не знаю никого в округе, кто бы хотел пересечь всю пустыню, просто для того, чтобы увидеть пирамиды. Ведь это просто груда камней. Ты сам можешь построить сколько угодно таких же».

«Просто Вы никогда не мечтали о путешествиях», - тихо сказал Сантьяго, поворачиваясь к покупателю, вошедшему в магазин.

Два дня спустя они продолжили свой разговор о стенде.

«Я недоверчиво отношусь к переменам. Мы с тобой не похожи на Хассана – богатого купца-соседа. Если он, вдруг, ошибётся с покупкой, это не сильно повлияет на него, тогда как нам долго придётся жить с последствиями наших ошибок».

«А ведь он прав», - с горечью подумал Сантьяго.

«Почему ты думаешь, что нам нужен этот стенд?»

«Я хочу быстрее купить новое стадо. Мы должны использовать наше преимущество, потому что удача на нашей стороне, и мы должны помочь ей так же, как она помогает нам. Это – закон везения. Новичкам везёт».

Чуть-чуть помолчав, торговец произнёс: «Пророк дал нам Коран и пять предписаний, которые мы должны исполнить за время своей жизни. Самое важное – это вера в единого Бога. Другие – это молиться пять раз в день, соблюдать пост во время Рамадана и быть милосердным к нуждающимся».

Тут он остановился. Говоря о Пророке, глаза его наполнились слезами. Торговец был очень набожным человеком и, несмотря на все свои недостатки, стремился прожить свою жизнь как правоверный мусульманин.

«Каково же пятое предписание?»

«Два дня назад, ты сказал, что я никогда не мечтал о путешествиях. Пятое предписание, которое должен исполнить каждый мусульманин – это паломничество. Мы обязаны, хотя бы раз в жизни, посетить священный для нас город – Мекку».

«Мекка расположена намного дальше пирамид. В молодости всё, чего я хотел, это собрать достаточно денег, чтобы открыть этот магазин. Я думал, что однажды, став богачом, смогу совершить паломничество. У меня появились деньги, но я не мог заставить себя оставить магазин на кого-то другого; хрусталь – деликатный товар. Меж тем, мимо магазина раз за разом проходили паломники, направляющиеся в Мекку. Некоторые были богачами, путешествующими в караванах с верблюдами и слугами. Большинство же, совершавших паломничество, были беднее меня.

И все, побывавшие в Мекке, были несказанно счастливы. Они вешали символы своего паломничества на дверях домов. Один из них – башмачник, который всю свою жизнь только и делал, что чинил людям обувь, сказал, что он не так устал от путешествия по пустыне длиною в год, как уставал от хождения по улочкам Танжера в поисках материала для работы.

«Почему же Вы теперь не едете в Мекку?»

«Потому что я жив лишь благодаря тому, что постоянно думаю о Мекке. Мои мысли помогают мне отвлечься от однообразности дней, от хрусталя на полках магазина, от обедов и ужинов в этом ужасном кафе. И мне страшно, потому что я понимаю, если моя мечта сбудется, мне уже незачем будет жить дальше.

Ты мечтаешь об овцах и пирамидах, но в отличие от меня, ты прилагаешь все усилия, чтобы исполнить мечту. Я же просто хочу мечтать о Мекке. Тысячи раз я представлял себе переход через пустыню, прибытие на площадь, где стоит Священный Камень, я семь раз обходил его, прежде, чем прикоснуться. Я представлял себе людей рядом со мной, наши беседы и совместные молитвы. Но я боюсь разочарования, боюсь, что всё будет не так, как я себе это представлял, и потому день за днём я всего лишь мечтаю».

В тот день торговец разрешил юноше установить стенд.

Не все могут воплотить мечты в реальность, да ещё и с точностью в каждой детали.

Два месяца спустя, благодаря стенду, в магазине было не протолкнуться. Юноша подсчитал, что ещё через шесть месяцев он сможет вернуться в Испанию и удвоить своё стадо, купив сто двадцать овец. Менее чем за

год, он удвоит своё стадо и сможет вести дела с арабами, потому что теперь способен говорить на их странном языке. С того самого утра на рыночной площади, он никогда больше не использовал Урим и Тумим, потому что Египет стал для него далёкой мечтой, как Мекка для торговца. Ему даже стало нравиться работать в магазине, но снова и снова юноша думал о том дне, когда он появится в Тарифе как победитель.

«Ты должен точно знать то, чего хочешь», - говорил старый царь. И юноша знал, и уверенно шёл к цели. Может быть его сокровищем и было то, что он оказался здесь, встретился с грабителем, и удвоил стадо, не потратив ничего.

Он был очень горд собой. Он узнал о многих вещах: как обращаться с хрусталём и о языке без слов..., и о знаках. Однажды, он услышал, как человек у магазина жаловался на то, что здесь нет ни одного приличного места, чтобы выпить чего-нибудь освежающего, после такого утомительного подъёма. И юноша, привыкший видеть знаки, предложил торговцу:

«Давайте начнём продавать чай тем, кто поднимается на холм».

«Здесь многие продают чай»

«Мы будем продавать чай, налитый в хрустальные бокалы. Людям это понравится, и они захотят купить их. Я всегда говорил, что красота – великий обольститель»

Торговец не ответил, но днём, после завершения молитвы, он пригласил юношу выкурить с ним кальян – эту странную трубку.

«К чему ты стремишься?»

«Я уже говорил. Мне нужно купить новое стадо, а для этого нужны деньги»

Добавив несколько углей в кальян, торговец глубоко затянулся.

«Я владею магазином вот уже тридцать лет. Я знаю о хрустале всё: я с лёгкостью отличу хороший хрусталь от плохого, я точно знаю, какого размера должен быть тот или иной фужер и много других хитростей. Если мы начнём продавать чай в хрустальных бокалах, дела пойдут ещё лучше. И мне придётся менять свой образ жизни»

«Разве это плохо?»

«Я привык к текущему ходу вещей. До твоего появления, я думал лишь о потерянном времени, проведённом здесь, в то время, как одни мои друзья уезжали, другие становились банкротами, а третьи богатели. И всё это приводило меня в уныние. Теперь я понимаю, что горевать было не из-за чего. Ведь мой магазин в точности такой, каким я хотел его видеть. Я не хочу изменений, потому что не знаю, к чему они приведут. Я привык к текущему ходу вещей».

Юноша не знал, что сказать.

Торговец продолжил: «Ты для меня благословение. Сегодня я понял то, чего не понимал все эти годы: **если ты пренебрегаешь благословением, оно становится твоим проклятием**. Я больше не хочу от жизни ничего. Но ты открываешь для меня такие горизонты, о которых я и не подозревал. И теперь, когда я осознал всё это и понимаю, как безграничны мои возможности, это печалит меня ещё больше. Потому что я знаю, каких вершин могу достичь, но не хочу этого делать»

«Хорошо, что я сдержался, и ничего не сказал пекарю в Тарифе», - про себя подумал юноша.

Они курили кальян до заката, разговаривая по-арабски, и юноша очень гордился, что знает этот язык. Прошло то время, когда он думал, что овцы научили его всему, что нужно было знать о мире. Но они никогда не смогли бы научить его арабскому.

«А ведь на свете, наверняка, есть ещё много таких вещей, которым бы овцы меня никогда не научили», - думал Сантьяго, разглядывая торговца. «Ведь всё, что делали эти животные – это ели и пили. И, вполне возможно, это не они учили меня, а я учился у них»

«Мактуб», - проговорил торговец.

«Что это значит?»

«Нужно родиться арабом, чтобы понять. Но на твоём языке, это можно сказать, как 'Так предначертано'».

И, затушив угли, он сказал юноше, что тот может начать продавать чай в хрустальных бокалах.

Потому что невозможно сдержать реку.

Достигая вершины холма и чувствуя усталость, люди видели магазин хрусталя, предлагавший замечательный освежающий чай с мятой, который подавался в хрустальных бокалах.

«Моя жена до такого не додумалась бы», - сказал один и купил несколько бокалов, потому что ожидал гостей тем вечером и намеревался впечатлить их. Другой отметил, что чай в хрустальных бокалах кажется намного вкуснее, потому что хрусталь усиливает аромат. Ещё один покупатель добавил, что подавать чай таким образом соответствует Восточной традиции и у чая появляется какая-то магическая сила.

Новости распространились очень быстро, и вскоре, толпы людей повалили на вершину холма, чтобы своими глазами увидеть магазин, в котором появилось нечто новое в этой старой, как мир, торговле. Другие

магазины тоже принялись было продавать чай в хрустальных бокалах, но они не были на вершине холма, и поэтому торговля у них шла вяло.

В конце концов, торговец был вынужден нанять ещё двоих помощников. Он начал в огромных количествах привозить чай и хрусталь, а его магазин стали разыскивать люди с острой жаждой чего-то нового.

Так прошли месяцы.

Юноша проснулся ещё до зари. Двенадцать месяцев и девять дней прошло с того момента, когда он впервые ступил ногой на африканский континент.

Он надел арабскую одежду из белого льна, купленную специально к этому дню. Надев головной паток, он закрепил его с помощью обруча из верблюжьей кожи и в новых сандалиях неслышно спустился по лестнице.

Город спал. Он приготовил себе бутерброд и выпил чаю из хрустального бокала. Затем уселся в дверном проёме, утопающем в лучах восходящего солнца и закурил кальян.

Он курил в абсолютной тишине, не думая ни о чём, иногда слыша звук ветра, который дразнил его ароматом пустыни. Закончив с кальяном, он вытащил из кармана свёрток.

В свёртке лежали деньги: достаточно для покупки ста двадцати овец, обратного билета и лицензии на импорт товаров из Африки в Испанию.

Он терпеливо ждал, пока проснется торговец и откроет магазин. Затем они принялись готовить чай.

«Я уезжаю сегодня», - проговорил юноша. «У меня достаточно денег для покупки овец, так же как и у Вас, для паломничества в Мекку»

Торговец молчал.

«Вы благословите меня? Ведь Вы помогли мне».

Торговец продолжал молча варить чай. Наконец он повернулся к Сантьяго.

«Я очень горд за тебя. Ты вдохнул новую жизнь в мой магазин. Но ты прекрасно знаешь, что я не поеду в Мекку, так же, как и ты, не купишь новое стадо».

«Откуда Вы знаете?» - удивлённо спросил юноша.

«Мактуб», - сказал старый торговец.

И благословил Сантьяго.

Юноша поднялся в комнату и упаковал вещи. Уходя, он заметил в углу комнаты свой старый пастушечий мешок, о котором уже и думать забыл. Он достал свою старую куртку и подумал, что будет хорошо, если он отдаст её кому-нибудь на улице. В следующее мгновение из мешка выпали два камня. Урим и Тумим.

Юноша вспомнил о старом царе и тут же удивился, что ничто за всё это время не напомнило ему о Мельхизидеке.

Работая без устали целый год, он думал лишь о том, как собрать деньги и с гордо поднятой головой вернуться в Испанию.

«Никогда не переставай мечтать. И следуй за знаками», - говорил старый царь.

Юноша поднял Урим и Тумим, и опять, это странное чувство, будто Мельхизедек рядом. Но ведь знаки говорили о том, что пора возвращаться.

«Я вернусь назад и всё будет по-прежнему. Ну и что, что овцы не научили меня арабскому».

Но то, чему научили его овцы – языку без слов – было намного важнее, потому что этот язык понятен каждому. И именно к нему юноша прислушивался в течение всего года, работая в магазине. И это был язык энтузиазма, язык целей, достигаемых с помощью любви и воли, и он же был языком поиска того, во что веришь и жаждешь. Танжер больше не был чужим и юноша чувствовал, что точно так же, как он покориł этот город, он сможет завоевать весь мир.

«Когда ты действительно чего-то хочешь, вселенная прилагает все усилия, чтобы помочь тебе в достижении желаемого», - говорил старый царь.

Но Мельхизедек не говорил, ни о грабителях, ни о бескрайней пустыне, ни о людях, которые не хотят воплощать в жизнь свои сокровенные мечты. Старик не сказал, что пирамиды – всего лишь груда камней и что можно построить сколько угодно таких же. А ещё он забыл сказать, что, когда денег у тебя столько, что ты можешь купить себе стадо в два раза больше прежнего – покупай.

Юноша сложил мешок и спустился по лестнице. Он увидел, что торговец занят молодой парой. Ещё несколько покупателей неспешно ходили по магазину, попивая чай из хрустальных бокалов. Обычно с утра здесь не так много народу. Сегодня, впервые, юноша увидел, что волосы торговца, точь-в-точь как волосы у старого царя. Ещё он вспомнил улыбку продавца сладостей в свой первый день в Танжере, когда ему нечего было есть и некуда идти. И эта улыбка напомнила ему улыбку Мельхизидека

«Это, как если бы он оказался здесь и оставил свой след. А ведь никто из этих людей никогда не встречал старого царя. С другой стороны, он сказал, что всегда появляется, чтобы помочь тем, кто пытается реализовать своё Предназначение», - думал юноша.

Он вышел, не попрощавшись с торговцем. Он предпочёл скучать по этому месту и всему, чему он там научился, а не рыдать вместе с остальными о предстоящей разлуке. Он стал намного уверенней и даже более того, он сознавал, что может завоевать весь мир.

«Я еду обратно на пастбища, которые отлично знаю, и по которым буду бродить со своим новым огромным стадом». Он сказал это с уверенностью, но, почему-то не почувствовал радостного волнения в своем сердце. Он целый год усердно работал, чтобы осуществить эту мечту, которая сейчас стала лёгкой дымкой в его сознании. А, может, эта мечта вовсе и не была мечтой. Его мечтой.

«Кто знает... может быть будет лучше прожить жизнь, как торговец хрусталём: никогда не побывать в Мекке, а просто жить, мечтая о ней», - думал он снова и снова, пытаясь убедить себя в этом. Но Урим и Тумим, которые он взял в руки, придали ему сил и наполнили его энергией, которая, казалось, исходила от самого Мельхизедека. Случайно ли, а может это был знак, юноша оказался в том самом трактире, куда его занесло в день приезда. Грабителя, конечно же, там не было. Хозяин заведения принёс ему чашку чая.

«Я всегда могу вернуться и опять стать пастухом», - думал Сантьяго. «Я знаю, как заботиться об овцах и вряд ли когда-нибудь забуду. А вот будет ли у меня ещё хоть один единственный шанс увидеть пирамиды в Египте? Старик с золотым медальоном на груди знал всё о моём прошлом. Он и в самом деле мудрый царь».

Холмы Андалусии были всего в двух часах от Танжера, а между ним и пирамидами бескрайняя пустыня. Но юноша знал, что можно по-другому взглянуть на ситуацию: он был на два часа ближе к своим сокровищам... и то, что эти два часа растянулись на год, уже не имело значения.

«Я знаю, почему мне хочется домой», - размышлял юноша. «Я прекрасно понимаю овец. Они могут быть даже хорошими друзьями. Но я не знаю, может ли пустыня быть хорошим другом. И, разве не в пустыне я хочу найти свои сокровища. Я всегда могу вернуться домой, если не найду их. В конце концов, у меня достаточно денег и времени. Почему бы и нет?»

Вдруг, он почувствовал себя чрезвычайно счастливым. В любой момент он мог вернуться обратно и стать пастухом или продавцом хрусталя. В мире, наверняка, есть ещё немало сокровищ, но у него была мечта, и он встретил царя. Такое не с каждым случается!

Юноша вспомнил, как один из поставщиков хрусталя рассказывал, что он везёт свой товар через пустыню на караване.

В руках у него лежали Урим и Тумим. И именно благодаря им, он опять на пути к своим сокровищам.

«Когда кто-то хочет исполнить своё Предназначение, я всегда рядом», - говорил старый царь.

«Интересно спросить этого поставщика, а правда ли Пирамиды так далеко, как об этом говорят».

Англичанин сидел в хибаре, насквозь пропахшей животными, потом и пылью. Эта постройка была частью склада и использовалась как загон для скота. «Я и представить себе не мог, что когда-нибудь окажусь в месте, подобном этому», - размышлял он, листая журнал по химии. «Десять лет в Университете окончились этим загоном для скота».

Но он должен был пройти через всё это, потому что верил в знаки. Вся жизнь его, все заботы, были посвящены поиску лишь одного истинного языка – языка вселенной. Сначала он выучил Эсперанто, а вместе с ним все мировые религии. Теперь предметом его страсти стала алхимия. Он был знатоком Эсперанто и мировых религий. Но он всё ещё не был алхимиком. Он разгадал множество тайн, но алхимия завела его в такую глушь, где он и не думал оказаться. Он безрезультатно пытался сойтись с алхимиками. Но они настолько странные люди, что думали только о себе, и почти всегда отказывали ему в помощи. Кто знает, может они до сих пор бьются над Величайшим Творением – Философским камнем – и только поэтому не делятся своими знаниями.

Он уже растратил большую часть состояния, оставленного ему отцом, безуспешно пытаясь отыскать Философский Камень. Он провёл сотни часов в самых известных библиотеках мира и скупил почти все мало-мальски известные и редкие свитки и фолианты по алхимии. В одной из книг он прочёл о визите в Европу самого могущественного арабского алхимика, которому было более двухсот лет, и которому удалось отыскать Философский Камень и Эликсир Молодости. История до глубины души поразила англичанина. Но он отнёсся к ней не более чем к сказке. Пока однажды, его друг, вернувшийся из археологической экспедиции в пустыню, не рассказал ему об арабе, который обладал особой силой: «Он живёт в оазисе Аль-Фаюм. Поговаривают, что ему двести лет, и он может превратить любой металл в золото»

Англичанин не мог сдержать волнения. Он отменил все дела, собрал все важные книги и вот он здесь, сидит в этом вонючем и пыльном сарае. А на улице шли приготовления к отправке огромного каравана через Сахару. И этот караван должен был зайти в Аль-Фаюм.

«Я найду этого треклятого алхимика», - раздумывал англичанин, и запах от животных сразу стал не таким уж и противным.

Вошедший араб поприветствовал его.

«Куда направляетесь?»- спросил араб.

«В пустыню», - ответил англичанин, углубляясь в чтение. Сейчас разговоры ему были не нужны. Он должен был повторить всё, чему научился за все последние годы, потому что алхимик непременно подвергнет его испытанию.

Молодой араб вынул книгу и принялся читать. Книга была на испанском. «Это хорошо», - подумал англичанин. Он говорил на испанском лучше, чем на арабском и, если этот араб направляется в Аль-Фаюм, то будет хоть с кем поговорить, если, конечно, не будет более важных дел.

«Странно», - произнёс юноша, вновь пытаясь прочесть о похоронах, с которых начиналась книга. «Вот уже два года, как я начинаю читать эту книгу и никогда не продвигаюсь дальше этих нескольких страниц». И даже тот факт, что сейчас никто не мешал чтению, не помогал ему сосредоточиться.

Ещё оставались сомнения по поводу принятого им решения. Но он уже был способен понять, что **принятие решения – это только начало. Потому что, принимая решение, человек попадает в стремительный поток, несущий его в такие места, о которых он и не мечтал, когда принимал это решение.**

«Когда я принял решение о поиске сокровищ, я и не предполагал, что буду работать в магазине хрусталя. И то, что я в этом караване, тоже моё решение. Но для меня остаётся загадкой, куда направляется этот караван».

Невдалеке читал книгу англичанин. Вид у него был не очень дружелюбным, и появление Сантьяго его явно не обрадовало. Они могли бы сдружиться, но англичанин даже разговаривать с ним не захотел. Юноша закрыл книгу. Он почувствовал, что не хочет делать ничего, что может заставить его стать похожим на англичанина. Поэтому, вынув из кармана Урим и Тумим, он принялся играть с ними.

Незнакомец воскликнул: «Урим и Тумим!»

В мгновение ока юноша засунул камни обратно в карман.

«Они не продаются».

«Они ничего не стоят. Это просто камни из горного хрусталя, которых полным-полно на свете. Но для посвящённых – это Урим и Тумим. Я и не предполагал, что о них что-либо известно в этой глуши».

«Эти камни – подарок царя».

Англичанин не сказал ни слова. Вместо этого он вынул из своего кармана два камня, как две капли воды похожие на те, что были у юноши.

«Царь, говоришь?»

«Я знал, что ты не согласишься в то, что царь мог говорить с пастухом», - ответил юноша, намереваясь прервать на этом беседу.

«Вовсе нет. Ведь пастухи были первыми, кто понял, что перед ними царь, тогда как весь мир отказался это признать. Так что неудивительно, что царь говорил с пастухом».

И он продолжил, боясь, что юноша не поймёт сказанного им: «Это из Библии. Из неё же я узнал о камнях. Они – единственная форма предсказаний, разрешённая Богом. Священники носят их на золотых медальонах»

Сантьяго неожиданно почувствовал радость от своего пребывания здесь.

«Может быть это знак», - в полголоса произнёс англичанин.

«Кто рассказал тебе о знаках», - заинтересованность Сантьяго с каждой минутой всё возрастала.

«Жизнь наполнена знаками», - сказал англичанин, закрывая журнал, который читал. «Существует универсальный язык, который понятен каждому, но давно забытый. Я занят его поиском. Поэтому я здесь. И мне нужен человек, который знает этот язык. Алхимик».

Беседу прервал хозяин склада.

«Вы счастливы. Сегодня в Аль-Фаум отправляется караван».

«Но мне нужно в Египет», - воскликнул юноша.

«Что ты за араб такой, если не знаешь, что Аль-Фаум находится в Египте», - презрительно произнёс старый араб.

«Это очень хороший знак», - заметил англичанин после ухода араба. «Если бы я мог, то написал бы целую энциклопедию по словам «удача» и «совпадение». Потому что именно этими словами и написан универсальный язык».

И англичанин объяснил юноше, что когда он увидел его с камнями в руках, то это не было простым совпадением, и тут же спросил, не едет ли и он в Аль-Фаум в поисках алхимика.

«Я ищу сокровища», - ответил Сантьяго и тут же пожалел, что сказал это. Но англичанин не придавал его словам никакого значения.

«Так же, как и я», - откликнулся он.

«Я даже не знаю, что такое алхимия», - заговорил юноша, но, появившийся в дверях араб, пригласил их выйти наружу.

«Я – главный проводник каравана», - звучным голосом произнёс человек с чёрными, как смоль, глазами и такой же бородой. «Я отвечаю здесь за каждого. Пустыня – дама с причудами и, иногда, сводит людей с ума».

В караване было почти две сотни людей и четыре сотни животных – верблюды, кони, мулы и домашняя птица. Среди путешествующих были и женщины, и дети, и мужчины с мечами на поясах и винтовками на плечах. У англичанина из багажа было всего несколько чемоданов, набитых книгами.

Из-за непрекращающегося шума, издаваемого животными и людьми, проводнику пришлось не один раз повторить сказанное.

«Здесь собрались разные люди, и каждый из вас верит в своего Бога. Но единственный Бог, в которого верю я – это Аллах, и его именем я клянусь, что сделаю всё возможное, чтобы без потерь провести караван через пустыню. Но я также хочу, чтобы каждый из вас поклялся именем своего Бога, что будет исполнять мои указания несмотря ни на что. В пустыне неповиновение означает смерть».

В толпе раздался приглушённый шум голосов. Каждый клялся именем своего Бога. Юноша поклялся Иисусом. Англичанин не проронил ни звука. Помимо клятв, люди также возносили молитвы к небесам, прося у них защиты и покровительства.

Протрубили в рог и, всё сразу пришло в движение. Юноша и англичанин неумело вскарабкались на спины своих верблюдов. Сантьяго даже стало жаль верблюда своего попутчика, потому что с каждого бока несчастного животного свисало по несколько чемоданов с книгами по алхимии.

«На свете нет случайных стечений обстоятельств», - сказал англичанин, возобновляя разговор. «Я здесь, потому что мой друг услышал об арабе, который...»

Но караван начал движение и было уже не различить слов, сказанных англичанином. Юноша понял то, о чём тот хотел сказать, хотя: таинственная цепь, связывающая одно событие с другим... именно эта цепь сделала его пастухом, она же была его повторяющимся сном, и благодаря ей Сантьяго попал в тот городишко, чтобы там встретится с царём, чтобы потом быть ограбленным и повстречать торговца хрусталём и...

«Чем ближе человек к исполнению своего Предназначения, тем более осмысленной становится его жизнь», - размышлял юноша.

Караван двигался на восток, останавливаясь, когда солнце находилось в зените, и продолжал свой путь, когда дневная жара начинала спадать. Юноша и англичанин практически не разговаривали, потому что последний был погружён в свои книги.

Сантьяго в молчании наблюдал за передвижением животных и людей через пустыню. Всё было не похоже на день, когда они отправились в путь: суматоха, крики, плач детей и рёв животных, которые смешивались с нервными командами погонщиков и распоряжениями купцов. В пустыне же были слышны лишь завывания ветра. Даже караванщики, и те практически не разговаривали друг с другом.

«Я много раз пересекал эти пески», - рассказывал как-то ночью один из погонщиков. «Но пустыня так огромна, а горизонт так далёк, что всё это заставляет человека чувствовать себя здесь крупинкой, оставаясь, как эта крупинка, безмолвным».

Никогда раньше не бывав в пустыне, юноша чутьём понял, о чём говорил погонщик. Всякий раз, когда Сантьяго смотрел на море или огонь он молчал, потрясённый мощью природы

«Я многому научился у овец, многому научился у хрусталя», - думал он. «Теперь я могу научиться чему-нибудь у старой и мудрой пустыни».

А ветер не прекращался. Юноша вспомнил тот день, когда он, стоя на площадке у замка в Тарифе, чувствовал этот ветер, дующий прямо в лицо. Он вспомнил о своих овцах... овцы, которые сейчас, как, впрочем, и всегда, бродили где-то по полям Андалусии в поисках еды и воды.

«Они больше не мои овцы», - подумал Сантьяго без тени ностальгии. «Они, должно быть, привыкли к своему новому хозяину и давно забыли обо мне. И это хорошо. Создания, вроде овец, у которых вся жизнь – путешествие, знают всё о том, что значит двигаться вперёд».

Он вспомнил о дочери лавочника: «Она, наверное, уже замужем. Может за пекарем, а, может, за каким-нибудь пастухом, который тоже умеет читать и рассказывать интересные истории – в конце концов, я такой не единственный».

Но сейчас он был взволнован своей интуитивной догадкой после слов погонщика о пустыне: может быть он начинает познавать этот универсальный язык, который тесно соприкасается с прошлым и настоящим всех живущих на земле. «Предчувствующие», - называла таких людей его мать. И юноша начал понимать, что интуиция – это и в самом деле внезапное погружение души во всеобъемлющий поток жизни, в котором жизни всех людей соединены и где мы можем узнать всё, потому что всё записано именно в этом потоке.

«Мактуб», - произнёс юноша, вспомнив торговца хрусталя.

Пустыня была разной: то песчаная, то каменистая. Когда дорогу каравану преграждал холм, он обходил его, если это был горный массив, менялся маршрут. Если песок начинал резать копыта животных, выбирался другой путь. Встречались сплошь покрытые солью места. Это были высохшие озёра. Здесь животные останавливались и ни в какую не хотели двигаться вперёд. Тогда погонщикам ничего не оставалось, как спешиваться и развьючивать своих верблюдов, чтобы те смогли налегке пройти по этой местности, ведя за собой весь караван. Если заболел или умирал главный верблюд, караванщики тянули жребий и ставили на его место нового.

И что бы ни происходило, сколько бы препятствий им не пришлось преодолеть, всякий раз караван возвращался на свой маршрут, следуя за звездой, указывающей дорогу к оазису. Когда на рассвете люди видели эту звезду, они знали, что не сбились с пути, а впереди их ждёт вода, пальмовые деревья и крыша над головой. Только англичанин не придавал всему этому никакого значения, потому что только и делал, что читал книги по алхимии.

У юноши тоже была книга, и он даже читал её первые несколько дней путешествия, но потом решил, что гораздо интереснее наблюдать за караваном и слушать ветер. А когда он лучше узнал своего верблюда и установил с ним, как когда-то с овцами, связь, то вообще выбросил её. И хотя юноша верил в то, что всякий раз книга учит его чему-то новому, он решил, что она здесь - лишняя тяжесть.

Он подружился с караванщиком, ехавшим рядом. Ночью, сидя у костра, он рассказывал ему истории о своих приключениях в Андалусии, когда был пастухом.

В одну из таких ночей, караванщик рассказал Сантьяго историю своей жизни: «Я жил недалеко от Каира», - начал он. «У меня был фруктовый сад, дети и размеренная жизнь без намёка на изменение. В год, когда урожай с деревьев превзошёл все ожидания, мы всей семьёй отправились в Мекку. Я был рад исполнить пятое предписание, оставленное нам Пророком. Теперь я мог умереть счастливым, потому что чувствовал себя счастливым.

Однажды, земля содрогнулась, да так сильно, что Нил вышел из берегов. Это было то, что как я думал, могло случиться с кем угодно, только не со мной. Мои соседи боялись, что из-за наводнения потеряют все свои оливковые деревья, жена переживала о детях, а я думал о том, что всё, что у меня есть, будет разрушено.

Было разрушено всё и мне пришлось искать, чем зарабатывать на жизнь. Теперь я – погонщик верблюдов. Но, благодаря тому несчастью, я понял слова Аллаха: **людям не нужно бояться неизвестности, если они способны достичь необходимого и желаемого.**

Мы страшимся потерять то, чем обладаем, будь то наша жизнь, земля или имущество. **Но этот страх исчезает, когда мы понимаем, что всё: и история наших жизней, и история всего мира, написаны одной рукой».**

По пути им изредка встречались другие караваны. И в каждом караване всегда можно было найти то, чего не хватало в другом, как будто и в самом деле всё было уже заранее написано чьей-то могущественной рукой. Сидя у огня, погонщики рассказывали друг другу о песчаных бурях, о пустыне. Время от времени появлялись, одетые с ног о головы во всё черное, таинственные люди – бедуины, наблюдавшие за караванными маршрутами. Они предупреждали о грабителях и о кочевых племенах. Они появлялись неизвестно откуда и исчезали неизвестно куда. Однажды к костру, где сидели Сантьяго с англичанином, подошёл караванщик: «Ходят слухи о войне между племенами», - сказал он.

Воцарилось молчание. И пусть никто из них не проронил ни слова, юноша почувствовал, что каждого окружает страх. Он снова понял этот язык без слов... универсальный язык.

Англичанин осведомился насколько это опасно.

«Оказавшись в пустыне, назад хода нет», - ответил погонщик. **«А когда вы не можете повернуть назад, следует беспокоиться только о том, как благополучно дойти до цели.** Всё остальное в руках Аллаха, в том числе и опасность. Мактуб».

«Тебе бы больше обращать внимание не на караван», - сказал Сантьяго англичанину, после того, как ушёл погонщик. «Мы уже столько раз меняли маршрут, но не смотря на это, придерживаемся одного и того же направления».

«А тебе бы больше читать и расширять кругозор», - парировал англичанин. «Книги, в этом отношении, как караваны».

Начиная со следующего дня, движение каравана вперёд ускорилося. Теперь безмолвными стали не только дневные часы, но и вечернее время, когда путешественники любили поговорить у костра. И вот однажды, главный караванщик принял решение, не разжигать костры на ночь, чтобы не привлекать внимания к каравану.

Теперь путешественники на ночь укладывали в большой круг животных, а сами ложились в центре этого круга, чтобы уберечь себя от ночного холода. А главный караванщик расставлял вокруг вооружённых часовых.

Как-то ночью англичанину не спалось, и он позвал Сантьяго прогуляться вдоль дюн, окружавших лагерь. Полная ли луна, сиявшая в черном небе, ночное ли безмолвие, настраивающее на воспоминания, только Сантьяго отчего-то рассказал англичанину историю своей жизни.

Как зачарованный слушал англичанин рассказ юноши. Особенно его впечатлил рассказ о работе в магазине хрусталя и о том прогрессе, который был достигнут.

«Это закон, который управляет всем вокруг»,- сказал англичанин. «В алхимии это зовётся Душой Мира. Когда ты всем сердцем чего-то хочешь, именно тогда ты и находишься ближе всего к Душе Мира. И эта сила всегда надёжна».

Он также рассказал, что душой обладает не только человек. Что всё, находящееся на земле и за её пределами имеет свою душу, будь то камень, животное, далёкая звезда и даже простая мысль.

«На земле всё постоянно меняется, потому что земля живая... со своей душой. И мы – часть этой души, хотя крайне редко понимаем, что мы с ней одно целое. Но, работая в магазине ты, скорее всего, понял, что даже хрустальные фужеры, и те помогают тебе добиться успеха».

Размышляя над сказанным, Сантьяго смотрел на диск далёкой луны, и на барханы с выцветшим от солнца песком.

«Я наблюдал за тем, как караван движется по пустыне»,- проговорил юноша. «Караван и пустыня говорят на одном языке, и только поэтому пустыня позволяет каравану идти по своим нескончаемым пескам. Она следит за каждым шагом нашего каравана – живёт ли его душа в такт с её душой. И пока живо это слияние душ, можно быть уверенным, мы достигнем оазиса. Если бы мы присоединились к каравану, полагаясь лишь на наше мужество и отвагу, но без понимания этого языка, то путешествие могло бы быть намного сложнее».

И они ещё долго стояли, всматриваясь в луну.

«Это волшебство знаков»,- сказал Сантьяго. «Я видел, как проводники читают знаки, что оставляет им пустыня, и видел, как душа каравана говорит с её душой».

Англичанин, после недолгого молчания, произнёс: «Наверное, будет лучше, если я начну наблюдать за караваном».

«А я прочту твои книги»,- проговорил юноша.

Это были необычные книги. Они рассказывали о ртути, деньгах, драконах и королях, и ни одну из них юноша не понял. Но во всех книгах прослеживалась одна и та же мысль: на земле всё – это проявление единой сущности.

В одной из книг он прочёл, что вся суть алхимии, содержится всего в нескольких строках, которые можно начертать на поверхности изумруда.

«Это Изумрудная Таблица», - сказал англичанин, гордясь, что может хоть чему-то научить юношу.

«Тогда зачем нужны все эти книги?»

«Чтобы понять эти несколько строк», - ответил англичанин. И было непонятно, верит ли он сам в сказанное.

Книга, которая больше других заинтересовала Сантьяго, рассказывала истории о знаменитых алхимиках – людях, посвятивших всю жизнь очищению металлов в своих лабораториях. Они верили, что металл, нагреваемый в течение многих лет, освобождается от своих индивидуальных особенностей и то, что остаётся – это и есть Душа Мира. И именно Душа Мира позволяет им понять всё происходящее, потому что это и есть язык, на котором говорит всё и вся. Они называли своё открытие Величайшим Творением, одна часть которого была жидкой и называлась Эликсиром Жизни, который лечил любые болезни и не давал алхимикам стареть. Другая же часть Величайшего Творения была твёрдой и называлась Философским камнем.

«А разве нельзя понять этот язык, просто наблюдая за людьми и знаками?»

«Что у тебя за мания всё упрощать?! Алхимия – серьёзная вещь. Здесь важна точность каждого шага, потому что ты идёшь по следам великих учителей».

«Найти философский камень – целая проблема», - рассказывал англичанин. «Алхимики годами не выходят из своих лабораторий, поддерживая огонь, очищающий металлы и таким образом отходят от мирской суеты. Они обнаруживают, что очищая металлы, очищаются они сами». Юноша вспомнил о словах торговца хрусталём, который говорил, что вытирая фужеры, он очищает себя от негативных мыслей. И с каждой секундой Сантьяго понимал, что алхимия может быть познана через повседневную жизнь. «А ещё у Философского камня есть интересная особенность. Крохотный кусочек этого камня может превратить любое количество любого металла в золото», - подытожил англичанин.

Услышав это, интерес юноши к алхимии возрос многократно. Он подумал, что обладая долей терпения, он сможет превращать в золото всё что угодно. Гельвеций, Элиас, Фулканелли и Гебер – им удалось это чудо, так, во всяком случае, утверждалось в книгах. И каждый из этих четверых выполнил своё Предназначение. Они много путешествовали, общались с мудрецами, скептикам показывали чудеса, и, конечно же, обладали и Философским камнем, и Эликсиром Жизни.

Но как только Сантьяго попытался узнать, как получить это Величайшее Творение, вот тут-то его и поджидал подвох. Потому что вместо

инструкций были только рисунки, закодированные указания и непонятные письма.

«Почему в книгах всё так сложно?», спросил Сантьяго, обратив внимание на то, что англичанин раздражён отсутствием своих книг.

«Имеющий способность понять – поймёт. Представь, если каждый начнёт превращать свинец в золото. Золото не будет стоить ничего. Нет, эта тайна для избранных, для тех, кто обладает упорством и непреодолимым желанием углубиться в суть вещей, кто обрёл Величайший Шедевр. Поэтому я здесь – в сердце пустыни, в поисках величайшего алхимика, который и поможет мне разгадать эти коды».

«А когда были написаны эти книги?»

«Много веков назад»

«Но ведь тогда ещё не было печатного пресса! И об алхимии, наверняка, знали лишь единицы. Почему же они применяли этот непонятный язык с такими же непонятными рисунками?»

Англичанин ответил уклончиво. Он сказал, что последние несколько дней наблюдал за жизнью каравана, но не узнал для себя ничего нового. Единственное, на что он обратил внимание, так это на то, что здесь стали чаще говорить о войне.

В один из дней юноша вернул все книги англичанину.

«Ну, что ты узнал?», - спросил англичанин, которому не терпелось выяснить, что же это могло быть. Ему нужен был кто-то, с кем можно было поговорить, чтобы не думать о войне.

«Я узнал, что у мира есть душа, и тот, кто поймёт эту душу, будет способен понимать язык всего. Я узнал, что многие алхимики выполнили своё Предназначение и открыли и Душу Мира, и Философский камень, и Эликсир Жизни. Но главное, я узнал, что все эти вещи настолько просты, что могут уместиться на поверхности Изумрудной Таблицы».

Англичанин был разочарован. Годы поисков, магические символы, сакраментальные слова, таинственные лабораторные инструменты... ничто из всего этого не произвело на юношу ни малейшего впечатления. «Должно быть, его душа слишком примитивна, чтобы понять всю глубину алхимии», - решил он.

«Наблюдай за караваном, если тебе это нравится. Меня, это бесполезное занятие, не научило ничему».

И вновь Сантьяго слушал молчание пустыни и смотрел на песчинки, вылетающие из под копыт его верблюда. «У каждого свой путь в

познании мира», - сказал он себе. «Мы оба в поисках своего Предназначения. И за одно только это, англичанин достоин уважения».

Теперь караван двигался и днём, и ночью. Всё чаще стали появляться бедуины, и погонщик, который стал хорошим другом Сантьяго, объяснил ему, что началась межплеменная война. «И нам очень повезёт, если мы без потерь доберёмся до оазиса», - сказал он.

От усталости и люди, и животные валились с ног. Самой пугающей была тишина ночи, когда простой рёв верблюда, который раньше был не чем иным, как просто рёвом, теперь приводил в ужас каждого, потому что это мог быть сигнал о внезапном нападении на лагерь. Однако, погонщик, казалось, был не очень сильно обеспокоен угрозой войны.

«Я живу», - сказал он юноше, когда они ели финики, одной из ночей. «Когда я ем, я думаю только о еде. В походе, я сосредоточен только на походе. Если мне придётся драться, что ж, не всё ли равно когда умереть – сегодня или завтра. **Я не живу ни прошлым, ни будущим. Потому что я здесь и сейчас. И, если ты можешь сосредоточиться на своей жизни сейчас, ты счастливый человек.** Ты увидишь, что в пустыне есть жизнь, что в небесах сияют звёзды, а племена воют лишь потому, что они – часть человеческой расы. И жизнь для тебя станет грандиозным карнавалом, потому что жизнь – это миг, в котором мы живём прямо сейчас».

Две ночи спустя, когда Сантьяго уже собирался ложиться, он взглянул на звёзды, которые сопровождали их всю дорогу. Ему показалось, что горизонт стал намного ниже, и он видит звёзды в песках пустыни.

«Это оазис», - сказал погонщик.

«Так почему же мы не идём туда прямо сейчас?»

«Потому что нам надо поспать».

Сантьяго проснулся с первыми лучами солнца. Прямо перед ним, на месте, где прошлой ночью он видел огни мерцающих звёзд, раскинулось бесчисленное множество финиковых пальм, растянувшихся по всей длине бескрайней пустыни.

«Наконец-то!» - воскликнул англичанин, который тоже проснулся довольно рано.

Но юноша молчал. Посреди этого грандиозного молчания пустыни, он чувствовал себя дома, и ему доставляло удовольствие просто смотреть на деревья. Ему ещё предстоял долгий путь до пирамид и это утро когда-нибудь будет просто воспоминанием. Но это было здесь и сейчас – для него одного, как говорил погонщик – и он хотел прожить этот миг,

соединив в нём уроки прошлого и мечты о будущем. И даже, несмотря на то, что необыкновенно красивый вид этих пальм когда-нибудь станет всего лишь воспоминанием, сейчас это было предзнаменованием прохлады, питья и убежища от войны. Вчера рёв верблюда мог означать опасность, а сегодня эти восхитительные финиковые деревья возвещали о чуде.

«Сколько же языков у мира?!»- подумал юноша.

«Времена меняются, меняются и караваны»,- размышлял алхимик, наблюдая за сотнями людей и животных, вновь прибывших в оазис. Жители оазиса приветствовали путешественников громкими криками, а местная детвора в возбуждении скакала рядом с незнакомцами, поднимая в воздух облака пыли, закрывавших солнечный диск. Алхимик видел, как старейшины оазиса приветствовали главу каравана и о чём-то долго с ним разговаривали. Но происходящее не волновало алхимика. Он видел много людей – от нищих до королей, которые появлялись в оазисе ненадолго, а потом уходили оттуда навсегда. Лишь пустыня оставалась неизменно преданной оазису. И хоть дюны со временем менялись под натиском ветра, это был всё тот же песок, который он видел, ещё будучи совсем крохой. Ему всегда нравилось наблюдать ту радость, переполнявшую путешественников, которые, наконец, после долгих скитаний по бескрайнему морю жёлтых песков, ступали в этот, наполненный зелёными красками пальм, оазис. «Может быть пустыня была создана Богом специально для того, чтобы человек мог насладиться красотой финиковых деревьев»,- подумал он.

Он решил сосредоточиться на более насущных вещах. Алхимик знал, что с караваном прибыл человек, которому он должен будет открыть свои секреты. Об этом ему рассказали знаки. Он ещё не был знаком с ним, но его опытный глаз сразу узнает этого человека, как только тот появится. Алхимик надеялся, что новый ученик будет своими стараниями похож на предыдущего. «Не понимаю, почему эти секреты должны передаваться так примитивно – словами. Ведь эти знания доступны каждому. Бог с лёгкостью делится ими со всеми, живущими на земле».

Алхимик был уверен, что эти знания не должны передаваться словами, потому что они были воплощением жизненного абсолюта, который не может быть описан человеческим языком.

Всё оттого, что люди, зачарованные красочными описаниями, забывают язык, на котором с ними разговаривает Мир.

.....

Сантьяго глазам своим не верил: оазис не был тем местом, о которых он читал в книгах – пара-тройка колодцев и несколько пальм. Нет, он был даже больше, чем некоторые города Испании – три сотни колодцев, пятьдесят тысяч финиковых пальм и бесчисленные красочные шатры посреди всего этого великолепия.

«Как в сказке “Тысяча и одна ночь”», – объявил англичанин, которому страсть как хотелось увидеть алхимика.

Дети с нескрываемым любопытством разглядывали незнакомцев, мужчины расспрашивали о межплеменных войнах, а женщины суетились возле торговцев, которые привезли с караваном богато расшитые ткани и драгоценности. Забылась тишина пустыни, все без умолку болтали друг с другом, смеялись и шумели так, как будто вернулись на свет Божий из затерянного мира. Люди были спокойны и счастливы.

Им уже не нужно было беспокоиться о мерах предосторожности, как в пустыне, потому что, как объяснил юноше погонщик, оазис – это нейтральная территория, так как здесь, в основном, живут женщины и дети. Оазисы разбросаны по всей пустыне, и кочевники, уходившие на войну, могли не беспокоиться о безопасности живущих там людей.

С большим трудом собрав всех вместе, главный караванщик, наконец, объявил, что их караван останется в оазисе до окончания межплеменной войны. И так как они здесь гости, им придётся делить кров с хозяевами, которые предоставят им самые комфортные условия. Это был закон гостеприимства. Затем он распорядился, чтобы каждый, включая его часовых, отдали всё оружие человеку, которого прислали старейшины оазиса.

«Это закон войны», – объяснил караванщик. «Оазис не даст приют вооружённым людям»

К удивлению Сантьяго, англичанин достал из своего чемодана револьвер и отдал его.

«Зачем тебе револьвер?» – спросил он.

«Он помогает мне доверять людям».

Сантьяго же опять задумался о сокровищах. Чем ближе он был к достижению своей мечты, тем труднее становилось это сделать. Казалось, то, что Мельхизедек называл «счастливый случай» больше не работает. В погоне за мечтой он то и дело проверялся на выносливость и храбрость. Поэтому ему нельзя было торопиться и проявлять нетерпение. «Двигаясь вперёд в спешке, я не увижу те знаки, которые Бог оставил на моём пути». Он удивился этой мысли, до сих пор полагая, что знаки – это предметы его мира, как сон и еда или как любовь и работа. Он никогда не думал о них, как о языке, используемом Богом, чтобы указать ему направление.

«Наберись терпения», - успокаивал себя юноша. «Помнишь, что сказал погонщик: "Ешь, когда пришло время есть. Двигайся вперёд, когда нужно двигаться вперёд"»

В первую ночь в оазисе все спали без задних ног.

Юношу разместили вдалеке от англичанина в шатре с пятью другими молодыми людьми, примерно его возраста. Они были людьми пустыни и наперебой просили Сантьяго рассказать о больших городах. Юноша рассказал им о времени, когда он был пастухом, и уже приготовился рассказать о магазине хрусталя, когда в шатёр вошёл англичанин:

«Я ищу тебя всё утро», - сказал он и вывел Сантьяго из шатра. «Ты должен помочь мне найти шатёр алхимика».

Сначала, они пробовали найти алхимика самостоятельно. Алхимик, наверняка живёт не так, как остальные жители оазиса. Возможно даже, что в его шатре непрерывно горит огонь в печи. Они методично обходили шатёр за шатром, пока не поняли, что оазис намного больше, чем они могли себе представить. Там были сотни разных шатров.

«Мы напрасно потратили день», - с горечью в голосе сказал англичанин, усаживаясь у колодца.

«Может быть стоит спросить кого-нибудь?» - предложил Сантьяго.

Англичанин никому не хотел говорить о причине своего пребывания здесь и поэтому никак не мог решиться. Но, в конце концов, он поручил юноше, который хорошо говорил по-арабски, спросить кого-нибудь об алхимике. Юноша приблизился к женщине у колодца, которая набирала воду в бурдюк.

«Добрый день. Я пытаюсь узнать, где в оазисе живёт алхимик».

Женщина сказала, что никогда прежде не слышала ни о каком алхимике и поспешила прочь. Но, прежде чем уйти, она посоветовала юноше не заговаривать с женщинами, одетыми в чёрное, потому что они замужем. Нужно уважать традиции.

Англичанин был подавлен. Казалось, что он проделал это изнурительное путешествие впустую. Юноша тоже загрустил - его друг искал своё Предназначение, и... «Когда человек находится в таком поиске, вселенная сделает всё, чтобы помочь ему достичь успеха», - вспомнились слова старого царя. А он не мог быть неправ.

«Я никогда раньше не слышал ни об алхимии, ни об алхимике», - проговорил юноша. «Может, стоит спросить по-другому?»

У англичанина загорелись глаза: «Вот именно! Наверняка так и есть! Узнай, где живёт тот, кто лечит здесь людские болезни!»

К колодцу подходили женщины, одетые в чёрное, но юноша не заговорил ни с одной из них, несмотря на требования англичанина.

Наконец, подошёл мужчина.

«Знаете ли Вы кого-нибудь здесь, кто лечит болезни людей?»

«Аллах лечит наши болезни», - ответил мужчина, который явно боялся чужеземцев. «Вы ищете колдуна». И, произнеся несколько строк из Корана, удалился.

Подошёл другой человек. Юноша повторил вопрос.

«Зачем он вам нужен?» - спросил араб.

«Мой друг, ради встречи с ним, проделал долгое путешествие через всю пустыню».

«Это, должно быть, очень сильный человек, раз он сумел добраться сюда», - задумчиво произнёс старый араб. «Но никто, даже старейшины оазиса, не могут увидеть колдуна, когда им заблагорассудится. Только когда он сам этого захочет. Дождитесь окончания войны и уезжайте. Не пытайтесь стать частью жизни оазиса», - сказал он и ушёл.

Англичанин ликовал. Они были на правильном пути.

К колодцу подошла молодая девушка с кувшином, которая не была одета в чёрные одежды. Её лицо было открытым. Юноша приблизился к ней, чтобы спросить об алхимике.

В это самое мгновение Сантьяго показалось, что время остановилось, а в его душу неиссякаемым потоком вливается Душа Мира. Как только он взглянул в её обворожительно чёрные глаза, увидел её спокойную, едва заметную улыбку, он познал язык, на котором говорит весь мир – язык, который каждый, живущий на этой планете, способен понять сердцем. Любовь. Любовь, которая старше всего человечества, старше самой пустыни. Любовь, которая вызывает неведомые чувства, где бы ни встретились две пары глаз, как здесь, у колодца. Девушка улыбнулась. И улыбка её была знаком – знаком, которого он ждал, сам того не подозревая, всю свою жизнь. Знак, который он стремился отыскать, путешествуя с овцами, в чтении книг, в блеске хрустальных фужеров и в безмолвии пустыни.

Это был подлинный Язык Мира, который не нуждается в толкованиях, точно так же, как в них не нуждается вселенная, летящая сквозь бесконечное время. Юноша чувствовал, что перед ним та единственная, ради встречи с которой, с ним произошло всё то, что произошло, и, абсолютно без слов, девушка почувствовала то же самое. Он был убеждён в своих чувствах более, чем в чём либо на земле. Родители часто говорили ему, что, прежде чем связать свою жизнь с человеком, нужно узнать его лучше. А, может быть, такие практичные люди, просто не пользуются волшебством универсального языка. Потому что, когда ты знаешь этот язык, тебе очень легко понять, что в этом мире тебя кто-то ждёт, неважно, в оазисе бескрайней пустыни или в центре огромного

города. И когда двое таких людей случайно встречаются глазами – то их прошлое и будущее моментально растворяются, потому что существует только этот момент и уверенность, что всё уже заранее предназначено. Без такой любви, мечты человека становятся бессмысленными.

«Мактуб», - подумал юноша.

Англичанин потряс Сантьяго за плечо: «Давай, спрашивай!»

Юноша подошёл к девушке ближе, и когда та улыбнулась, улыбнулся в ответ.

«Как твоё имя?»

«Фатима», - ответила она, опустив глаза. «Так зовут многих женщин в моей стране. Это имя дочери Пророка. Воины Ислама повсюду прославляли его».

Прекрасная девушка говорила о воинах с нескрываемой гордостью.

Англичанин толкнул Сантьяго и он, наконец, спросил Фатиму о человеке, который лечит людские болезни.

«А, это тот человек, который знает все секреты мира и общается с джинами пустыни».

Джинами были духи добра и зла. И девушка указала на юг, сказав, что именно там живёт этот странный человек. Затем, наполнив сосуд водой, она ушла.

Англичанин тоже исчез, отправившись на поиски алхимика. А юноша, ещё долго сидел у колодца, вспоминая, что однажды в Тарифе, левантер донёс до него аромат этой девушки, и понял, что полюбил Фатиму, ещё не зная о её существовании. Он знал, что эта любовь сделает поиски любого сокровища легче.

На следующий день Сантьяго вернулся к колодцу, надеясь вновь увидеть Фатиму. К его удивлению, англичанин тоже был там:

«Я прождал алхимика весь день. Он появился с первыми звездами. Я рассказал ему, зачем приехал, а он спросил, удалось ли мне превратить свинец в золото. Я сказал, что это именно то, чему я приехал учиться».

«Он просто сказал, чтобы я снова и снова пытался. Всё, что он сказал было: "Иди и пробуй"».

Юноша молчал. Бедняга англичанин проделал весь путь, чтобы услышать, что ему нужно заново пытаться повторить то, что он проделывал уже не раз.

«Тогда пробуй!», - сорвалось с языка у юноши.

«Этим я и собираюсь заняться. Прямо сейчас», - в волнении проговорил англичанин и исчез.

Через некоторое время к колодцу подошла Фатима.

«Я пришёл сюда ради одного», - начал Сантьяго. «Я хочу, чтобы ты стала моей женой, потому что люблю тебя».

Девушка, от неожиданности, выронила из рук кувшин.

«Я буду ждать тебя на этом месте каждый день. Я пересёк пустыню в поисках сокровищ, которые где-то там, у египетских пирамид. Война казалась мне проклятием. Но теперь я вижу, что это счастливый дар, потому что она привела меня к тебе».

«Война когда-нибудь закончится», - тихо произнесла она.

Юноша огляделся вокруг. Он напомнил себе, что ещё не так давно был простым пастухом и может стать пастухом снова. Сейчас Фатима была для него важнее всяких сокровищ.

«Мужчины племени всегда ищут сокровища», - сказала девушка, как будто догадываясь, о чём он думает. «А женщины пустыни гордятся ими».

И, наполнив кувшин, ушла.

Сантьяго стал каждый день бывать у колодца, чтобы увидеться с Фатимой. Он рассказывал ей истории из своей прошлой жизни: про время, когда он был пастухом, о старом царе, о магазине хрусталя. Они стали друзьями и юноше казалось, что от встречи до встречи время тянется бесконечно долго. На исходе месяца пребывания каравана в оазисе, главный караванщик собрал всех путешественников вместе:

«Мы не знаем, когда окончится война, поэтому сейчас продолжать наше путешествие не имеет никакого смысла. Бывает, что война длится годами. С каждой стороны воюют опытные бойцы и победа важна для каждой армии. Это не война добра со злом. Это война за равновесие сил, а такие войны длятся дольше обычного, потому что Аллах поддерживает обе стороны.

Люди вернулись в свои шатры, Сантьяго же поспешил на встречу с Фатимой. Он рассказал её всё, сказанное главным караванщиком.

«На следующий день, после нашей первой встречи, ты сказал, что любишь меня. Ты открыл мне тайны универсального языка и Души Мира. Теперь я стала частью тебя».

Юноша слушал звук её голоса, и ему казалось, что даже пение соловья было не таким завораживающим.

«Я буду ждать тебя здесь столько, сколько будет нужно. Я забыла о прошлом, об обычаях и о том, как должна вести себя женщина пустыни. Когда я была совсем ещё ребёнком, я мечтала о чудесном подарке, который подарит мне пустыня. И сейчас я вижу – это ты».

Сантьяго хотел взять её руки в свои. Но кувшин, который она держала, не позволил ему это сделать.

«Ты рассказал мне о своих мечтах, о старом царе, о сокровищах и о знаках. Теперь мне ничего не страшно, потому что ты говорил о знаках, которые привели тебя ко мне. Я – только часть твоей мечты и твоего Предназначения. Поэтому я хочу, чтобы ты продолжил двигаться к своей цели. Если тебе нужно дождаться окончания войны, жди. Если же тебе нужно, в погоне за мечтой, несмотря ни на что, двигаться дальше, действуй. Дюны, под напором ветра, меняются, пустыня не меняется никогда. Поэтому мы, каждый по-своему будем чувствовать нашу любовь друг к другу...

Мактуб...

И, если я действительно часть твоей мечты, то однажды ты вернёшься за мной».

Когда Фатима ушла, Сантьяго был в подавленном настроении. Он думал о многих своих приятелях-пастухах, которые уже были женаты, и которым было нелегко убедить своих жён в том, что их работа – это походы со стадами на дальние пастбища. Любовь требовала от них быть с теми, кого они любят.

На следующий день он рассказал об этом Фатиме.

«Наши мужчины, уходя в пустыню, не всегда оттуда возвращаются», - проговорила она. «И мы смирились с этим. Тот, кто не приходит назад, становится частью облаков, частью животных, которые прячутся в оврагах, и частью воды, которая бьёт из-под земли. Они становятся частью всего... они становятся Душой Мира.

Некоторые возвращаются. И тогда женщины счастливы, потому что верили, что их мужья однажды вернутся назад. Раньше, когда я видела таких женщин, я завидовала их радости. Теперь я стану одной из них – женщиной, которая ждёт.

Я – дочь пустыни и горжусь этим. Я хочу, чтобы мой муж свободно странствовал, как ветер меж дюн. И, если придётся, я примирюсь с тем, что он стал частью облаков, животных, воды – частью пустыни».

Сантьяго отправился искать англичанина. Он хотел рассказать ему о Фатиме. Каково же было его удивление, когда он увидел, что англичанин построил огромный горн недалеко от своего шатра. В горне полыхал огонь, который нагревал какую-то прозрачную флягу. Глаза у англичанина горели ярче, чем тогда, когда он читал свои великомудрые книги.

«Это первый этап», - объяснил он. «Сначала я должен выделить серу. Чтобы справиться с этим, я должен избавиться от страха неудачи. Это страх неудач не давал мне получить Величайшее Творение. Теперь я

начну с того, с чего начал десять лет назад. Но я счастлив, потому что мне не пришлось ждать сегодняшнего откровения ещё двадцать лет».

И он продолжил подбрасывать в огонь хворост. Юноша не отходил от него, пока заходящее солнце не окрасило всё вокруг в розовый цвет. Он почувствовал непреодолимое желание уйти в пустыню, чтобы понять, есть ли в этой безграничной тишине ответы на его вопросы.

Юноша бродил по пустыне, не отходя далеко от оазиса. Он слушал ветер и ощущал под ногами каждый камушек. То тут, то там, он находил ракушки, и это натолкнуло его на мысль, что раньше пустыня была морем. А горизонт, своими смутными очертаниями, неуклонно гипнотизировал его. Он пытался понять, чем любовь к человеку отличается от обладания любимым человеком и не мог отделить одно от другого. Но Фатима была женщиной пустыни. И только пустыня могла помочь Сантьяго понять её.

Размышляя над этим, Сантьяго почувствовал, что происходит нечто необъяснимое. Подняв глаза к небу, он увидел пару соколов, парящих в вышине.

Сантьяго наблюдал, как птицы, ловя потоки ветра, играючи меняют свой курс. И, хотя в их полёте не было ничего мистического, он вызвал в юноше странные чувства. Юноша не мог понять, что же это могло быть. Он, как зачарованный, следил за полётом птиц, пытаясь прочесть в нём хоть что-то. Может быть, птицы пустыни смогут объяснить ему, что же такое любовь.

Он чувствовал, что сон начинает сжимать его веки. Сердцем он понимал, что сейчас не время спать, но сон был сильнее. «Я познаю Язык Мира, и всё вокруг становится понятным мне... и даже полёт соколов в небе», - подумалось ему сквозь дремоту. Сантьяго в душе ощутил благодарность за свою любовь к Фатиме. «Когда ты влюблён, кажется, что всё вокруг пропитано чувствами».

Неожиданно, один сокол, промелькнув в небе молнией, стремительно напал на другого. И в тот же миг перед глазами Сантьяго промелькнуло видение: армия, с мечами наготове, нападающая на оазис. Видение исчезло так же внезапно, как и появилось, но оно невообразимо потрясло юношу. Да, люди часто рассказывают о миражах в пустыне, и Сантьяго сам неоднократно их видел: они появлялись над песками пустыни и каждый видел в них то, что хотел. Но юноша явно не хотел, чтобы на оазис напала вражеская армия.

Он захотел быстрее избавиться от видения и вернуться к размышлениям. Он снова пытался сосредоточиться на тенях, отбрасываемых дюнами. Но смутная тревога не давала ему это сделать.

«Постоянно обращай внимание на знаки», - предупреждал старый царь. Юноша восстановил в памяти картину всего увиденного и понял, что всё это случится на самом деле.

Тогда он поднялся и направился к оазису. Юноша вновь понял множество языков в вещах вокруг него: пустыня сейчас была безопасна, а вот оазис... оазис подвергался большой опасности.

Погонщик расположился у одной из пальм и наслаждался красивым зрелищем заходящего солнца. Он увидел, что со стороны дюн к нему направляется Сантьяго.

«На оазис хотят напасть вооружённые люди», - сказал юноша. «У меня было видение».

«Пустыня не скупится на видения ни для кого», - ответил погонщик.

Сантьяго рассказал ему о том, что произошло с соколами и о том, как он познал Душу Мира.

И погонщик понял, о чём говорит этот чужеземец. Он знал, что всего лишь один предмет может поведать историю каждой вещи, что окружают человека. Что кто-то может открыть книгу на нужной странице, кто-то может прочесть линии на ладонях, кто-то разбирается в картах, а кто-то в полёте птиц... и, что бы это ни было, каждый ищет в этом связь со своим житейским опытом. На самом деле вещи не раскрывают человеку никаких тайн. Просто есть люди, которые наблюдая за происходящим вокруг себя, обладают способностью проникать в Душу Мира.

В пустыне хватало людей, которые зарабатывали на жизнь тем, что с лёгкостью могли соединиться с Душой Мира. Их называли провидцами. Их боялись и женщины, и старики. Кочевники избегали встреч с ними, потому что сражение сразу теряло всякий смысл, когда кто-то знал, что ему предначертано погибнуть. Мужчины предпочитали биться, а не трепетать, зная, что может произойти. Будущее пишется Аллахом, и что бы он там не написал, всё это для человеческого блага. Поэтому кочевники живут настоящим, в котором полно неожиданностей, и где им нужно знать много чего, как, например: Над кем занесён меч врага? Где его лошадь? Как нужно ударить, чтобы самому остаться в живых? Погонщик не был воином, и часто общался с провидцами. Многое из сказанного ими сбывалось, но и неверных толкований тоже было достаточно. Однажды, старейший провидец, которого он когда-либо встречал (и которого все боялись больше всего), спросил погонщика, почему тот так интересуется будущим.

«Ну, чтобы я мог действовать. И, если что, избежать того, чего не хочу».

«Но тогда всё это не станет частью твоего будущего», - сказал провидец.

«Ну, наверное, я просто хочу знать будущее, чтобы подготовиться к нему»

«Если тебя ждёт что-то хорошее, то пусть это будет приятной неожиданностью. Если же должно произойти нечто плохое, а ты уже знаешь об этом, ты будешь страдать задолго до того, как это произойдёт».

«Я хочу знать будущее, потому что я человек. А люди всегда живут будущим», - произнёс погонщик.

Провидец делал свои предсказания по прутикам. Он бросал их на землю, и по тому, как они упали, давал свой прогноз. В тот день провидец не сказал ничего. Он просто собрал все прутики, завернул их в кусок ткани и убрал в свой мешок.

«Я зарабатываю предсказанием будущего. Я знаю, как с помощью прутиков проникнуть туда, где хранятся все знания. Там я могу узнать о прошлом, о том, что давно было забыто, а главное, понять знаки настоящего. Я не вижу будущего, я догадываюсь о нём. О будущем знает один только Бог, и только он один, в исключительных случаях, может приоткрыть нам завесу тайны. Как я догадываюсь о будущем? Полагаясь на знаки настоящего. Потому что секрет кроется здесь, в настоящем. Ежеминутно ты можешь улучшать своё настоящее. Улучшая настоящее, ты улучшаешь будущее. Забудь о будущем, но проживай каждый свой день, помня о том, что Бог любит всех своих детей. И любовь его вечна».

Погонщик спросил провидца, когда же Бог разрешает ему заглядывать в будущее.

«Только если Он сам захочет этого. И иногда, случается, что Бог показывает будущее. И когда Он делает это, на то существует лишь одно объяснение: это то будущее, которое следует изменить».

«Бог показал юноше частицу будущего», - подумал погонщик. «Но почему Он захотел, чтобы вестником Его воли стал именно Сантьяго?»

«Пойди и расскажи о видении главам оазиса», - предложил погонщик. «Поведай им о приближающейся армии».

«Они засмеют меня».

«Они – люди пустыни, которые знают, что такое знаки».

«Тогда они, наверняка, уже знают».

«Они не занимаются тем, что во всём ищут знаки. Они искренне верят, что если им суждено узнать волю Аллаха, появится тот, кто сообщит им о ней. Это уже случалось и не раз. Теперь же посланник Аллаха – ты».

Юноша подумал о Фатиме.

Да! Он расскажет обо всём главам оазиса.

Юноша подошёл к стражнику, стоящему у входа в огромный белый шатёр в центре оазиса.

«Я хочу видеть глав оазиса. Я принёс для них знак из пустыни».

Ничего не сказав в ответ, стражник вошёл внутрь. Через некоторое время он появился с молодым арабом, белые одеяния которого были расшиты золотом. Юноша рассказал молодому человеку о своём видении. Араб попросил его подождать и скрылся. Тем временем оазис уже поглотила ночная мгла. Один за другим гасились костры, и оазис стал таким же безмолвным, как и пустыня его окружавшая. В шатре же бурлила жизнь: люди сновали туда-сюда – купцы, военачальники, слуги. Всё время, пока Сантьяго ждал, он думал о Фатиме, пытаясь понять смысл их последнего разговора.

Через несколько часов ожидания, стражник, наконец, велел ему войти. То, что он увидел внутри, поразило его. Он и представить себе не мог, что здесь, в сердце пустыни, может располагаться такое великолепие. Пол шатра был устлан коврами изумительной красоты, а сверху свисали искусно выполненные золотые лампы с зажженными свечами внутри. Главы оазиса, расположившись полукругом, отдыхали на богато расшитых шёлковых подушках. Слуги, с серебряными подносами, доверху нагруженными яствами, чаем и пряностями, входили и выходили, сменяя друг друга. Другие прислужники поддерживали огонь в кальянах. Весь воздух был пропитан сладким запахом дыма. Перед Сантьяго сидели восемь человек, но он сразу же понял, кто из них здесь самый главный – араб, драгоценности одежд которого позавидовали бы самые могущественные императоры мира. Рядом с ним стоял молодой араб, с которым юноша разговаривал ранее.

«Кто этот чужеземец, который говорит о знаках?»- спросил один полководец, пристально глядя на Сантьяго.

«Это я»,- ответил юноша. И рассказал им об увиденном.

«Почему пустыня показала всё это тебе, а не нам, живущим здесь поколениями?»- спросил другой.

«Потому что мои глаза ещё не успели привыкнуть к пустыне. Поэтому я могу видеть то, что люди, живущие здесь поколениями, могут не замечать»,- дал ответ Сантьяго.

«А ещё потому, что я знаю о Душе Мира»,- подумал он про себя.

«Оазис – нейтральная территория, на которую никто и никогда не нападёт»,- произнёс третий военачальник.

«Я рассказал вам лишь о том, что видел. Если вы не верите моим словам, то вам тогда и беспокоиться не о чем».

Главы оазиса принялись яростно спорить. Они говорили на диалекте арабского, который юноша не понимал. Сантьяго хотел уйти, но стражник велел ему остаться, что страшно его напугало – знаки говорили, что это небезопасно. Он уже успел пожалеть о том, что рассказал погонщику о своём видении.

Внезапно по лицу араба, сидевшего в центре, скользнула едва заметная улыбка, которая наполнила душу юноши покоем и умиротворением. Этот араб не принимал участия в обсуждении и вообще не проронил ни звука. Но Сантьяго, который уже был знаком с Языком Мира, почувствовал, что принял правильное решение, придя сюда.

Наконец, арабы затихли и некоторое время молча слушали то, что говорит им сидящий в центре. Через некоторое время он повернулся к Сантьяго, но теперь лицо его не выражало ничего, кроме холодности и отстранённости.

«Две тысячи лет назад», – начал араб на диалекте, понятном юноше, – « в далёкой стране, человек, который придавал снам большое значение, был брошен в темницу, а затем продан в рабство. Его купили наши купцы и привезли в Египет. Мы издревле знаем, что люди, верящие в сны, обладают способностью их толковать.

Когда фараону приснился сон о семи тучных и о семи измождённых коровах, этот человек, о котором я рассказываю, спас Египет от голода. Имя этого человека было Иосиф. Он, так же, как и ты, был чужим в чужой стране».

Он замолчал. В его глазах всё ещё горели недружественные огоньки.

«Мы всегда соблюдаем Традиции. Традиции спасли Египет от голода, и они же сделали египтян богатейшими людьми. Традиции учат нас, как пересекать пустыню и создавать семьи. Традиции говорят, что оазис – территория мира, потому что оазис есть у каждого племени, и оазис же – самое его уязвимое место». Никто не проронил ни звука, пока говорил старейшина.

«Но ещё, Традиции говорят нам внимательно относиться к посланиям, которые оставляет пустыня. Пустыня научила нас всему».

Старейшина подал знак, и все встали. Встреча завершилась. Загасили огонь в кальянах. Стражники стояли на изготовке. Юноша уже собрался уходить, но старейшина заговорил снова:

«Завтра мы нарушим договор, по которому ни один, живущий в оазисе, не может иметь при себе оружие. На протяжении всего завтрашнего дня мы будем поджидать наших врагов. С заходом солнца, всё оружие вновь окажется у меня. Ты же, за каждых десяти убитых, получишь по одной золотой монете. Но оружие не вынимается просто так. Оружие, как и пустыня, своенравно, и, если его не использовать сейчас, в другой

раз оно может оказаться бесполезным. Поэтому, если до конца дня оружие не будет применено, оно обратится против тебя».

Когда юноша вышел, и направился к своему шатру, лишь полная луна в чёрном небе освещала оазис.

Сантьяго был встревожен произошедшим. Он постиг Душу Мира, и за это может поплатиться своей жизнью. Пугающая сделка. Но ведь со дня продажи стада, ради достижения своего Предназначения, все сделки всегда были связаны с риском. И, как сказал погонщик: «Не всё ли равно, когда умереть». Каждый день даётся всему живому либо для жизни, либо для смерти. И всё зависело лишь от одного слова: Мактуб.

Бредя по оазису, Сантьяго не испытывал ни капли сожаления. Если ему было суждено умереть завтра, то это потому, что Бог не хочет, чтобы он изменил будущее. Во всяком случае, он успел пересечь на корабле пролив, поработать в магазине хрусталя, познать молчание пустыни и увидеть глаза Фатимы. С тех пор, как Сантьяго покинул дом, он старался наполнить каждый свой день новизной ощущений. Если он умрет завтра, то в жизни его уже произошло так много, что другие пастухи могли ему только позавидовать. И он был чрезвычайно горд этим.

Вдруг, вблизи раздался звук, подобный раскату грома, и поднявшийся невиданной силы ветер, сбил Сантьяго с ног. И вот уже всё вокруг – лишь яростно воющий ветер и закрывающая диск луны стена песка. Перед юношей возник огромный белый конь, громкое ржание которого вселяло страх. Когда ветер стих, а песок немного осел, юноша оцепенел от ужаса. Верхом на коне, в чёрном одеянии, сидел всадник с соколом на левом плече. «Вот он – посланник пустыни», - мелькнула мысль.

Незнакомец вынул из ножен, прикрепленных к седлу, огромный изогнутый меч, который, даже в свете луны, блестел ярче молнии.

«Кто смеет здесь толковать полёт соколов?».

Юноше показалось, что громогласный голос незнакомца прокатился эхом по всему оазису.

«Я», - ответил Сантьяго. Он вспомнил образ Святого Сантьяго Матамороса, сидящего на белом коне в окружении безбожников. Человек на коне был поразительно похож на этот образ, только теперь в роли безбожника был сам юноша.

«Это я», - повторил он и опустил голову, чтобы меч незнакомца смог легче её отрубить. «Единение Души Мира с моей душой, позволило мне увидеть то, что должно произойти, и это может сохранить многие жизни», - прокричал он.

Но меч не обрушился на голову Сантьяго. Вместо этого, незнакомец медленно опустил его, пока остриё не коснулось лба юноши, отчего у него выступила кровь.

Всадник оставался недвижим, так же, как и Сантьяго. Юноше и в голову не приходило бежать, потому что он чувствовал необъяснимую радость в сердце: он был готов умереть в поисках своего Предназначения... и Фатимы. Знаки оказались правы. Сейчас он здесь, лицом к лицу со своим недругом. Но ему не нужно было переживать из-за смерти, потому что его ждала Душа Мира и вскоре он станет её частицей. Но ведь завтра его недруги тоже станут её частью.

Незнакомец продолжал держать меч у лба юноши. «Для чего ты прочёл полёт птиц?»

«Я прочёл только то, что птицы хотели сказать. Они хотели спасти оазис. Завтра ваша армия будет разбита, потому, что в оазисе больше воинов, чем у вас».

Меч всё так же оставался у лба Сантьяго: «Кто ты, чтобы менять волю Аллаха?»

«Аллах создаёт армии, так же, как он создаёт соколов. Аллах научил меня понимать язык птиц. Всё написано одной и той же рукой», - ответил юноша, вспомнив слова погонщика.

Незнакомец убрал свой меч, и юноша сразу почувствовал облегчение. Но он всё ещё не мог скрыться.

«Будь осторожен с предсказаниями. Когда что-то предначертано, это уже невозможно изменить».

«Я видел только армию. Я не видел исход битвы».

Казалось, что незнакомец был доволен ответом. Но он всё ещё продолжал держать меч в руке.

«Что чужеземец делает здесь?»

«Исполняю своё Предназначение. Но Вы, наверное, не поймёте, что это такое».

Незнакомец вложил меч в ножны.

«Я должен был удостовериться в твоей храбрости. Храбрость – качество, необходимое для понимания Языка Мира».

Юношу удивили слова незнакомца. Он говорил о вещах, известных лишь немногим.

«Тебе нельзя останавливаться. Тем более, ты итак уже прошёл большую часть пути. Ты должен любить пустыню, но никогда не доверять ей полностью. Пустыня испытывает людей: она на каждом шагу ставит подножки, чтобы убить отчаявшихся».

Слова незнакомца напомнили юноше слова старого царя.

«Если в оазис придут войска и, если твоя голова к заходу солнца всё ещё будет у тебя на плечах, найди меня», - сказал незнакомец.

В его руке появился хлыст. От удара, конь встал на дыбы, поднимая облака песка и пыли.

«Где ты живёшь?»- прокричал юноша вслед незнакомцу.

И рука с хлыстом указала на юг.

Сантьяго встретил алхимика.

Утром следующего дня, две тысячи вооружённых людей рассеялись меж пальмами оазиса. Ещё до полудня, на горизонте появились пятьсот кочевников. Конный отряд въехал в оазис с северной стороны. Казалось, что это мирная экспедиция. Но у всех, без исключения, было оружие, спрятанное в просторных одеждах. Достигнув центра Аль-Фаюма, они выхватили мечи и винтовки и ворвались в пустой белый шатёр.

Воины оазиса окружили нападавших и, менее чем за полчаса, уничтожили отряд. Дети не видели ничего из произошедшего, так как их заранее переправили в безопасное место. Женщины, оставаясь в шатрах, молились за жизни своих мужей и поэтому тоже не знали, что происходило снаружи. Если бы не груды мёртвых тел в центре оазиса, то могло показаться, что этот день ничем не отличается от других.

Пощадили лишь командира отряда. Тем же днём его привели к старейшинам, которых интересовал только один вопрос: почему их отряд нарушил Традиции. Командир ответил, что его люди, измученные войной, голодом и жаждой, решили захватить оазис, чтобы восстановив силы, продолжить воевать.

Старейшина сказал, что ему очень жаль отряд кочевников, но, что Традиции священны. Старейшины приговорили командира к позорной смерти. Его не застрелили из винтовки и не разрубили мечом, как воина, а повесили на высохшей пальме, как преступника. И тело его долго висело, раскачиваясь на ветру, предостерегая всех, не уважающих Традиции.

Старейшина вызвал к себе Сантьяго и вручил ему пятьдесят золотых монет. Он ещё раз напомнил юноше историю об Иосифе, и предложил ему стать советником оазиса.

На закате, когда на небе появились лишь намёки на первые звёзды, юноша отправился на юг. Вскоре он увидел одиноко стоящий шатёр. Несколько арабов, которые шли мимо, сказали ему, что это место – жилище джинов. Но юноша уселся невдалеке и стал ждать.

Вскоре на своём белом коне появился алхимик. С седла свисали два мёртвых сокола.

«Я здесь»,- сказал Сантьяго.

«Тебя не должно быть здесь. Или это твоё Предназначение привело тебя сюда?»

«Из-за войны между племенами, наш караван не может пересечь пустыню. Поэтому я здесь».

Алхимик спешился и дал юноше знак, чтобы тот вошёл вслед за ним в шатёр. Шатёр был самым обыкновенным, как и многие другие в оазисе. Сантьяго глазами искал печь и приборы для занятия алхимией, но не увидел ничего. На полу были расстелены ковры, покрытые причудливым орнаментом, стояла небольшая стопка книг и маленькая кухонная печка.

«Садись. Сейчас мы выпьем и съедим этих птиц», - сказал алхимик.

Сантьяго предположил, что это именно те два сокола, которых он видел вчера, но не сказал ничего. Алхимик зажёл огонь и вскоре шатёр наполнился восхитительным ароматом. И запах этот был намного приятнее, чем от кальяна.

«Почему Вы хотели видеть меня?»

«Знаки. Ветер рассказал мне о твоём прибытии, и о том, что тебе будет нужна моя помощь».

«Нет, знаки рассказывали не обо мне. Это тот, другой, англичанин. Он один ищет встречи с Вами».

«Ему нужно сделать много других вещей. Но он на правильном пути. Он уже пытается понять пустыню».

«А что же я?»

«Когда человек на самом деле хочет чего-то, вселенная делает всё, чтобы помочь ему в реализации его мечты», - произнёс алхимик, как эхо повторив слова старого царя.

Юноша понял. Вновь появился человек, который укажет Сантьяго путь к его Предназначению.

«И Вы будете учить меня?»

«Нет. Ты знаешь всё, что тебе необходимо. Я лишь укажу тебе дорогу к сокровищам».

«Но в пустыне война»

«Я знаю, что происходит в пустыне»

«Я, наверное, уже нашёл сокровища. У меня есть верблюд, деньги, которые я накопил, работая в магазине хрусталя и пятьдесят золотых монет. В моей стране я буду очень богат».

«Но ничего из этого, ты не нашёл у пирамид».

«Есть ещё Фатима. Она драгоценнее любого сокровища».

«Её ты тоже не нашёл у пирамид».

Ели они в молчании. Алхимик откупорил бутылку и налил в чашку юноши красную жидкость. Это было ни с чем несравнимое, восхитительного вкуса вино.

«Разве вино здесь не под запретом?»

«Зло – это не то, что человек пьёт или ест. Зло – это то, что человек говорит».

Алхимик выглядел устрашающе. Но, с каждым глотком вина, юноша чувствовал себя спокойнее. По завершении трапезы, они вышли из шатра и уселись под открытым небом, с луной, настолько прекрасной, что самые яркие звёзды меркли пред её сиянием.

«Пей и получай удовольствие», - сказал алхимик, уловив в глазах юноши искру счастья. «Отдохни сегодня так, как если бы ты был воином, готовящимся к завтрашнему бою. И помни, что ты найдёшь сокровища там, где твоё сердце. Твоя цель – сокровища. Поэтому знай, всё, что ты познаешь в пути, может стать полезным.

Завтра продай своего верблюда и купи коня. Верблюды непредсказуемы. Они могут пройти без отдыха тысячи мест. А потом, вдруг, падают на колени и погибают. Кони же устают постепенно. И ты всегда знаешь, чего от них ещё можно требовать».

Следующим вечером, юноша пришёл к шатру алхимика с конём. Алхимик уже ждал его. Вскочив на коня и усадив на левое плечо сокола, он сказал Сантьяго: «Покажи мне, где в пустыне есть жизнь. Только тот найдёт сокровища, кто способен увидеть признаки жизни».

И они принялись объезжать песчаные барханы, сопровождаемые светом луны.

«Я не уверен, что смогу отыскать в пустыне жизнь», - думал юноша. «Я ещё очень плохо знаю пустыню».

Он хотел сказать об этом алхимику, но побоялся. Они подъехали к скалистой местности, где Сантьяго видел соколов. Но сейчас там стояла тишина, которую изредка нарушал свист ветра.

«Я не знаю, как найти в пустыне жизнь», - признался он. «Я знаю, что здесь есть жизнь, но не знаю, как искать».

«Жизнь притягивает жизнь», - ответил алхимик.

Вот теперь юноша понял всё. Он ослабил поводья, и конь его пустился рысью. Уже скрылись из вида пальмы оазиса, и теперь, лишь огромный диск луны висел над их головами. Через полчаса по непонятным причинам, конь Сантьяго стал сбавлять шаг.

«Здесь есть жизнь», - сказал юноша алхимику. «Я не знаком с языком пустыни, но моему коню известен язык жизни». Они спешили. Медленно продвигаясь вперёд, они осматривали каждую расселину. Внезапно, алхимик остановился, и, припав к земле, засунул руку в глубокую нору, в которой двигалось живое существо. Глаза алхимика, а Сантьяго мог видеть только его глаза, то сужались, то расширялись. Рука его сражалась в этой норе с кем-то невидимым. Затем, резким движением, от которого юноша вздрогнул, он вынул руку из норы и вскочил на ноги. В его руке извивалась змея.

Сантьяго инстинктивно отскочил в сторону. Змея продолжала ожесточённо бороться, издавая шипящие звуки, нарушавшие тишину пустыни. Кобра. Несколько минут хватило бы для того, чтобы своим ядом она могла убить любое живое существо.

«Осторожней с её ядом!» - воскликнул юноша.

Несмотря на то, что кобра, ещё в норе, уже успела укусить алхимика, он был абсолютно спокоен.

«Алхимику двести лет», - сказал как-то англичанин.

Значит, он знает как вести себя со змеями.

Юноша смотрел, как алхимик, подойдя к своему коню, вынул меч и, начертив им на песке круг, бросил в него змею. Кобра моментально притихла, свернувшись в кольцо.

«Не волнуйся. Она не выползет из круга», - сказал алхимик. «Ты нашёл жизнь в пустыне. Это тот знак, которого я ждал».

«Почему это так важно?»

«Потому что пирамиды окружены пустыней».

Юноше не хотелось говорить о пирамидах. У него было тяжело на сердце. Ведь если он продолжит поиски сокровищ, ему придётся расстаться с Фатимой.

«Я проведу тебя через пустыню», - сообщил алхимик.

«Но я хочу остаться в оазисе. Я уже нашёл Фатиму. И, как мне кажется, она лучше любого сокровища».

«Фатима – дочь пустыни. Она знает, что мужчине нужно уйти, чтобы потом вернуться. И она уже обрела своё сокровище – тебя. Теперь она ждёт, что ты отыщешь то, зачем ты здесь».

«А что, если я всё-таки останусь?»

«Давай-ка я расскажу тебе, что произойдёт. Ты станешь советником в оазисе. У тебя будет достаточно много золота, чтобы купить овец и верблюдов. Вы поженитесь с Фатимой и целый год будете счастливы. Ты научишься любить пустыню и будешь знать всё о каждой из пятидесяти тысяч пальм оазиса. Ты будешь следить за их ростом, а они будут

показывать тебе, как меняется окружающий мир. Ты станешь лучше понимать знаки, потому что у тебя будет лучший учитель – пустыня.

Когда пойдёт второй год твоей жизни в оазисе, ты, иногда, будешь вспоминать о сокровищах. Всё настойчивей будут возникать, напоминающие о них знаки, но ты будешь стараться не замечать их. Ты применишь свои знания для процветания оазиса и его жителей. И за это старейшины будут высоко ценить тебя. А твои караваны сделают тебя ещё богаче и могущественнее».

«На третий год жизни здесь, знаки всё также будут являться тебе, говоря о сокровищах и Предназначении. Ты будешь проводить бессонные ночи, блуждая по оазису, а Фатима будет чувствовать себя несчастной, понимая, что это из-за неё ты прервал свои поиски. Но вы всё ещё будете любить друг друга. Ты будешь помнить, что она никогда не просила тебя остаться, потому что женщины пустыни знают, что они должны дожидаться своих мужчин. И поэтому ты не сможешь винить её за это. Но опять и опять, бродя по пескам пустыни, ты будешь думать, что, наверное, тебе следовало уйти тогда... и что ты мог полностью доверять своей любви к Фатиме. В оазисе тебя держал страх, что ты можешь никогда не вернуться назад. И вот тогда-то знаки и сообщат тебе, что ты навсегда потерял своё сокровище».

«На четвёртый год знаки покинут тебя, потому что ты перестал их слышать. Старейшины оазиса, поняв это, сместят тебя с должности советника. Но к тому времени, ты уже будешь богатым и известным купцом, преуспевающим в торговле. Дальше ты будешь жить с мыслью, что твоё Предназначение так и не было выполнено, но будет уже слишком поздно.

Ты должен понять, что настоящая любовь не будет удерживать человека, который следует за своим Предназначением. Если человек отказывается от поисков, то это не истинная любовь... любовь, которая говорит на Языке Мира».

Алхимик стёр круг на песке, и змея неслышно исчезла, оставив после себя на песке лишь узкую вьющуюся полосу. Юноша вспомнил торговца хрусталём, который всю жизнь хотел поехать в Мекку и англичанина в поисках алхимика. Он подумал о женщине, которая доверяла пустыне. И сейчас перед ним лежала та самая пустыня, которая и привела его к Фатиме.

Сев на коней, они пустились в обратный путь. Ветер доносил до них звуки оазиса и Сантьяго пытался уловить в них голос Фатимы. Но этой ночью он видел кобру внутри круга, а всадник, с соколом на плече, рассказывал о любви и сокровищах, о женщинах пустыни и Предназначении.

«Я еду с Вами», - сказал юноша и сразу почувствовал умиротворение.
«Отправляемся завтра до рассвета», - ответил алхимик.

Всю ночь Сантьяго не сомкнул глаз. За два часа до рассвета, он разбудил одного из молодых людей, что спали в шатре, и попросил того показать ему место, где жила Фатима. Подойдя к шатру, юноша дал своему провожатому денег, которых хватило бы на покупку нескольких овец.

Затем, он попросил молодого человека, чтобы тот разбудил Фатиму и сказал ей, что Сантьяго ждёт её снаружи. Молодой араб исполнил просьбу и в награду получил ещё столько же денег.

«Теперь оставь нас», - попросил юноша араба. Молодой человек вернулся в шатёр, гордясь тем, что помог советнику, и тем, что получил от него много денег.

Из шатра вышла Фатима. И вот они уже вдвоём, неспешно идут вдоль длинной вереницы пальм. Юноша знал, что нарушает Традиции, но сейчас это для него не имело никакого значения.

«Я уезжаю», - сказал он. «Я хочу, чтобы ты знала, я обязательно вернусь обратно. Я люблю тебя, потому что...»

«Ни слова!» - перебила Фатима. «Любят не за что-то. Любви не нужны объяснения».

Но Сантьяго продолжил: «Я видел сон и встретил царя. Я продавал хрусталь и прошёл всю пустыню. И, если бы не война, я вряд ли бы подошёл к тому колодцу, разыскивая алхимика. Я люблю тебя, потому что вселенная сделала всё, чтобы я встретил тебя».

И они обнялись. Это было впервые, когда двое влюблённых прикоснулись друг к другу.

«Я вернусь»

«Раньше я с тоской смотрела на пустыню, ожидая чего-то. Теперь я буду смотреть на пустыню с надеждой, ожидая тебя. Однажды также ушёл мой отец. Но он вернулся к моей матери и с тех пор всегда возвращается обратно».

Они безмолвно шли мимо огромных пальм, ставших немymi свидетелями этой сцены. Остановившись у входа в шатёр Фатимы, Сантьяго произнёс:

«Я вернусь. Вернусь так же, как твой отец вернулся к твоей матери».

Он увидел, как глаза Фатимы наполнились слезами.

«Ты плачешь?»

«Я – дочь пустыни», - сказала она, отворачиваясь. «Но прежде всего, я женщина».

Фатима вошла в свой шатёр. С наступлением дня она вновь займётся своей привычной работой, которую выполняла всё время. Но теперь всё стало иначе. Теперь оазис для неё уже не будет таким же, каким был ещё вчера. Он больше не будет местом с пятьюдесятью тысячами пальм и тремястами колодцами, где паломники и путешественники останавливались, чтобы отдохнуть после долгого перехода по пустыне. Начиная с сегодняшнего дня, оазис стал для неё пустым. Начиная с сегодняшнего дня, одна лишь пустыня будет иметь для неё значение. И, всякий раз, вглядываясь в её бескрайние барханы, она будет представлять себе Сантьяго, идущего где-то там, в поисках сокровищ. Она будет посылать свои поцелуи с ветром, в надежде, что ветер, коснувшись лица любимого, расскажет ему о том, что Фатима жива и ждёт его. Женщина, ждущая своего отважного мужчину. И, начиная с сегодняшнего дня, пустыня станет для неё надеждой. Надеждой на его возвращение.

«Не вспоминай о том, что осталось позади», - обратился алхимик к юноше, когда они пустились в путь. «Всё написано в Душе Мира и там же навечно останется».

«Человеку свойственно хотеть вернуться домой, а не покидать его», - ответил Сантьяго.

«Истинно ценное никогда не обесценится. Человек всегда может вернуться назад. И, если твоя находка была лишь ослепительно ярким светом, как последняя вспышка умирающей звезды, вернувшись, ты не найдёшь ничего».

Алхимик говорил на языке алхимии. Но юноша знал, что он говорит о Фатиме.

Было трудно не думать об оставленном позади. Пустыня, своим бесконечным однообразием, настроила Сантьяго на путь мечтаний. Он видел и пальмы, и колодцы, и лицо той, которую любит. Он видел англичанина, копошащегося у горна, и погонщика, который, сам того не подозревая был его учителем. «Может, алхимик никогда не любил?» - думал он.

Алхимик, с соколом на плече, ехал впереди. Птица знала язык пустыни, и, где бы они ни останавливались, взлетала с плеча своего хозяина, чтобы потом вернуться с добычей. В первый день сокол принёс кролика, во второй двух птиц.

Устраиваясь на ночлег, они гасили костёр. Ночи в пустыне были холодными, а луна, обрезая свой диск, делала их раз от раза темнее.

Неделю они ехали со всеми предосторожностями, опасаясь попасть в поле зрения какой-нибудь из воюющих сторон. Продолжалась война, и временами, ветер доносил до них тошнотворно сладкий запах крови. Сражения были невдалеке, и ветер напоминал юноше о языке знаков, всегда готовых показать ему то, что не увидели его глаза. На седьмой день алхимик решил разбить лагерь раньше обычного.

«Ты почти достиг своей цели. Я поздравляю тебя. Ты неотступно следуешь за своим Предназначением».

«Но Вы, за всю дорогу, не проронили ни слова. Я думал, что Вы научите меня вещам, известным только Вам одному. Недавно я пересёк пустыню с человеком, у которого были все книги по алхимии. Но, ни одна из них не научила меня ничему».

«Есть только один способ научиться чему-то. И этот способ – действие. Всё, что тебе нужно было узнать, ты узнал, двигаясь вперёд. Тебе осталось узнать всего лишь одну вещь».

Юноше хотелось знать, что же это могло быть, но алхимик высматривал в небе своего сокола.

«Почему Вас называют алхимиком?»

«Потому что я и есть алхимик».

«А что не так, когда другие алхимики, пытаясь получить золото, терпят неудачу?»

«Потому что они охотятся лишь за золотом. Своё Предназначение они обращают в поиски золота, не интересуясь, как жить своим Предназначением».

«А что же это такое, что я всё ещё должен узнать?»

Но алхимик продолжил вглядываться в синеву неба. Наконец, его сокол вернулся с добычей. Они выкопали яму и разожгли костер так, чтобы языки пламени не были видны издалека.

«Я алхимик, просто потому, что я алхимик. Я познал эту науку от своего деда, который познал её от своего отца, и так дальше и дальше к временам сотворения мира. В те времена всё Величайшее Творение могло быть описано на крохотном кусочке изумруда. Но люди принялись опровергать простые истины и писать огромные фолианты с объяснениями, создавая философские учения. Они также решили, что знают другие, лучшие пути, чем те, которые проложили магистры алхимии. И, лишь поэтому, Изумрудная Таблица всё ещё существует».

«А что было написано на Изумрудной Таблице?»

Алхимик принялся что-то чертить на песке. Пока алхимик чертил, юноша вспомнил о старом царе и о площади, где они встретились. Казалось, с того дня прошли уже годы.

«Вот что было написано на Изумрудно Таблице», - сказал алхимик, завершив работу.

Юноша попытался прочесть: «Но здесь какие-то коды. Они похожи на те, которые я видел в книгах англичанина».

«Нет», - ответил алхимик. «Эти письма, как полёт тех двух соколов. И их невозможно понять разумом. Изумрудная Таблица – это вход в Душу Мира. Мудрец понимает, что наш мир – это лишь образ и отражение рая. И существование нашего мира - не более, чем подтверждение, что существует лучший мир. Бог создал этот мир так, чтобы через видимые предметы, человек смог понять Его духовное учение и Его мудрость. Вот что я имею в виду, когда говорю о действии»

«Нужно ли мне понять Изумрудную Таблицу?»

«Если бы ты был в алхимической лаборатории, то это время прекрасно бы подошло для понимания Изумрудной Таблицы. Но ты в пустыне. Поэтому, погрузись в пустыню и пустыня откроет тебе все тайны мира. На самом деле любая вещь на земле обладает этой способностью. Тебе даже не нужно понимать всю пустыню: всё, что тебе нужно, это внимательно рассмотреть всего лишь одну песчинку, в которой ты увидишь все чудеса сотворения».

«А как мне понять пустыню?»

«Слушай своё сердце, которое знает обо всём, потому что оно – творение Души Мира, и придёт день, когда оно вернётся туда».

Следующие два дня они ехали по пустыне в абсолютном безмолвии. И с каждым разом беспокойство алхимика усиливалось. Они всё ближе подъезжали к местам, где происходили самые ожесточённые столкновения. А пока они ехали, юноша пытался слушать своё сердце.

Это было нелегко. Его сердце всегда было готово поведать ему истории, которые позднее оказывались выдумкой. Иногда оно часами рассказывало ему о своей печали, а, иногда, было так растрогано рассветом в пустыне, что юноша с трудом прятал слёзы. Оно билось быстрее, говоря с Сантьяго о сокровищах, и замедлялось, когда он восхищался бесконечным горизонтом. Но оно никогда не прекращало говорить с ним, даже когда они с алхимиком ехали по пустыне молча.

«Зачем нам слушать свои сердца?» - спросил юноша, когда они разбивали лагерь.

«Потому что в месте, куда стремится твоё сердце, ты и найдешь свои сокровища».

«Но моё сердце взволновано. У него есть мечты, эмоции, и оно пылает страстью к женщине пустыни. Оно не даёт мне спать ночами, когда я думаю о той, кого люблю».

«Хорошо. Это значит лишь одно: твоё сердце живое. Продолжай слушать его внимательно».

В последующие три дня путешественники видели многочисленные группы вооружённых кочевников. Сердце юноши заговорило языком страха. Оно рассказывало ему истории о людях, искавших сокровища, но потерпевших неудачу. Оно пугало его мыслями о том, что он может никогда не найти своих сокровищ, или умереть здесь, в пустыне. А иногда, пыталось убедить его, что он уже нашёл то, что искал.

«Моё сердце – предатель»,- сказал юноша алхимику, когда они в очередной раз остановились, чтобы дать лошадям немного передохнуть
«Оно не хочет, чтобы я ехал дальше».

«И это понятно»,- ответил алхимик. **«Оно боится, что в погоне за мечтой, ты потеряешь всё то, что уже имеешь».**

«Тогда зачем мне его слушать?»

«Потому что теперь, оно всегда будет говорить с тобой. Даже если ты притворишься, что не слышишь то, о чём оно говорит, твоё сердце всегда будет с тобой, повторяя тебе то, что ты думаешь о жизни и о мире».

«Значит, мне продолжать слушать эти изменнические речи моего сердца?»

«Измена – это неожиданный удар. Твоё сердце никогда не изменит тебе, если ты хорошо знаешь его мечты и желания, и знаешь, как обращаться с ними. Ты и твоё сердце неразлучны. Поэтому будет лучше слушать его. И именно так у тебя никогда не будет страха перед неожиданным ударом».

Юноша продолжил слушать своё сердце, пока они пересекали пустыню. Он понял все его уловки и хитрости. Он принял своё сердце таким, какое оно есть. Он больше не чувствовал страх. Он забыл о мысли, что ему сейчас же нужно вернуться в оазис. Потому что однажды утром, сердце Сантьяго сообщило ему, что оно счастливо.

«Даже если я жалуюсь»,- сказала оно,- «так это потому, что я сердце, принадлежащее человеку. Все человеческие сердца поступают точно также. Люди боятся идти за своей самой главной мечтой, потому что чувствуют, что не заслуживают её или не смогут её достичь. Нам становится страшно, когда мы думаем, что те, кто нам дорог, навсегда

оставляют всякие попытки добиться успеха, что те события, которые могли произойти, не произошли, а сокровища, которые могли быть найдены, так и остались лежать в песках пустыни. И когда такие вещи случаются, мы безумно страдаем».

«Моё сердце боится, что ему придётся страдать», - сказал юноша алхимику.

«Скажи своему сердцу, что страх перед страданием хуже самого страдания. И, что ни одно сердце никогда не страдает, когда находится в поисках своей мечты, потому что каждая секунда поиска – это встреча с Богом и вечностью».

«Каждая секунда поиска – это встреча с Богом», - сообщил Сантьяго своему сердцу. «Когда я по-настоящему ищу своё сокровище, каждый день для меня становится понятным, потому что я знаю, что каждый час поиска делает меня на час ближе к цели, которую я, в итоге, достигну. Когда я по-настоящему ищу своё сокровище, я открываю такие вещи, о которых раньше и не подозревал, и мне бы не хватило мужества попробовать достичь того, что кажется невозможным простому пастуху»

Весь день сердце Сантьяго молчало. Ночью, он превосходно выспался, а, проснувшись, услышал, как сердце рассказывает ему истории, которые пришли из Души Мира. Оно рассказало, что в душах все счастливых людей живёт Бог. И, что счастье можно найти в одной крохотной песчинке, как говорил алхимик. Потому что песчинка – это творение, на создание которого вселенная потратила миллионы лет.

«Каждого человека на земле ждёт своё сокровище», - заявило сердце юноши. «Мы, человеческие сердца, редко когда говорим о сокровищах, потому что люди не очень-то хотят отправляться на их поиски. Мы говорим об этом только с детьми. Дальше, мы просто позволяем жизни следовать по направлению к уготовленной человеку судьбе. К сожалению, очень немногие следуют по дороге, проложенной для них – дороги к их Предназначению и счастью. **Большинство воспринимает мир, как угрозу и, именно поэтому, мир для них становится таким, каким они его видят».**

«Поэтому мы, их сердца, начинаем говорить всё тише и тише. Мы никогда не прекращаем говорить, но начинаем надеяться, что нас не услышат: мы не хотим, чтобы люди страдали из-за того, что они не слушают наши советы».

«Почему сердца людей не говорят им продолжать следовать за своими мечтами?» - спросил юноша алхимика.

«Потому что люди не будут их слушать, а это заставит сердца страдать ещё больше»

И именно тогда юноша понял своё сердце. Он попросил его никогда не переставать говорить с ним. Он попросил, что, если он будет отдаляться от своей мечты, то пусть сердце неистово стучит в его груди и бьёт тревогу. Юноша поклялся, что всякий раз, услышав эти сигналы своего сердца, он будет пристально следить за всем, что оно говорит ему. Тем же вечером он рассказал обо всём этом алхимику. Алхимик понял, что сердце юноши слилось с Душой Мира.

«Что же мне делать теперь?»

«Двигаться дальше, к пирамидам. Продолжать слушать знаки. Твоё сердце способно указать тебе, где зарыты сокровища».

«Это та вещь, которую мне нужно было узнать?»

«Нет. Тебе нужно знать следующее: прежде чем исполнить мечту, Душа Мира проверяет всё, что было узнано по дороге к мечте. И делается это не потому, что Душа Мира жестока, а чтобы мы смогли, вдобавок к исполнению нашей мечты, усвоить уроки, которые нам преподали по дороге. И вот это и есть та точка, где большинство людей сдаётся. Это точка, на которой, как мы говорим на языке пустыни, человек «умирает от жажды, когда видит появившийся на горизонте оазис». Всякий поиск начинается со счастливого случая. И всякий поиск заканчивается тем, что дошедшего до конца сурово испытывают».

Юноша вспомнил старинную поговорку, что «Самый тёмный час ночи наступает перед рассветом».

На следующий день, появились первые признаки опасности. Их окружили вооружённые кочевники, которые хотели знать, что незнакомцы делают в пустыне.

«Я охочусь со своим соколом», - ответил алхимик.

«Нам нужно осмотреть вас, чтобы убедиться, что вы безоружны», - сказал один из кочевников.

Не торопясь, алхимик с Сантьяго спешили.

«Зачем ты везёшь с собой деньги?» - спросил кочевник, осматривая вещи юноши.

«Я еду к пирамидам».

Кочевник, осматривавший вещи алхимика, нашёл у него небольшую хрустальную флягу, наполненную какой-то жидкостью и жёлтое стеклянное яйцо, которое было чуть больше куриного.

«Что это за вещи?»- спросил он.

«Философский Камень и Эликсир Жизни. Это Величайшее Творение алхимиков. Тот, кто выпьет этот эликсир никогда не заболеет, а этот камень превратит любой металл в золото»

Арабы рассмеялись. Рассмеялся и алхимик. Ответ алхимика позабавил их, и они разрешили им следовать дальше.

«Вы сошли с ума? Зачем Вы это сделали?»- спросил Сантьяго, когда они отъехали на значительное расстояние.

«Чтобы преподать тебе один маленький жизненный урок. Когда ты обладаешь несметными сокровищами и пытаешься рассказать о них другим, тебе редко кто верит»

И они продолжили своё путешествие по пустыне. С каждым днём, сердце юноши становилось всё более и более спокойным. Оно уже не хотело знать ни о прошлом, ни о будущем, оно довольствовалось созерцанием пустыни и знаниями, исходящими из Души Мира. Сантьяго подружился со своим сердцем. И теперь, они уже были неспособны предать эту дружбу.

Когда сердце говорило с юношей, оно побуждало его двигаться вперёд и придавало сил, потому что дни, проведённые в молчании в безмолвной пустыне, были крайне изнурительны. Сердце рассказывало Сантьяго о его сильных качествах: о мужестве, которое он проявил, продав овец, чтобы посвятить себя своему Предназначению, и о его воодушевлении, когда он работал в магазине хрусталя.

А ещё, сердце рассказало юноше нечто такое, о чём он никогда не подозревал: об опасностях, подстерегавших его, но о которых он так и не узнал. Сердце рассказало ему о винтовке, которую Сантьяго однажды стащил у отца, и про которую оно заставило его забыть, потому что он мог выстрелить в себя. Сердце напомнило юноше о дне, когда он отравился и потерял сознание. На той дороге орудовали грабители, жаждавшие забрать овец и убить пастуха. Но, не дождавшись юноши, они ушли, решив, что он пошёл другим путём.

«Неужели каждое человеческое сердце всегда помогает тем, в чьей груди оно бьётся?».

«Главным образом тем, кто пытается воплотить своё Предназначение. Но они всегда помогают детям, пьяницам и старикам».

«Значит ли это, что я никогда не попаду в беду?»

«Это значит лишь то, что сердце делает всё, от него зависящее».

В один из дней они миновали лагерь кочевников. Повсюду стояли вооружённые до зубов арабы, в белоснежных одеждах. Они курили кальяны и обменивались историями с полей сражения. И ни один из них не обратил никакого внимания на двух путешественников.

«Тут безопасно», - сказал юноша, когда они миновали лагерь.

Голос алхимика звучал гневно: «Верь своему сердцу, но не забывай, что мы в пустыне. Когда люди пустыни воюют друг с другом, Душа Мира слышит всё происходящее. И уверяю тебя, что никто из сражающихся мужчин, не захочет страдать за чужие грехи».

«Всё едино», - подумал Сантьяго.

И почти сразу же, как если бы пустыня хотела показать правоту слов алхимика, перед путешественниками возникли вооружённые всадники.

«Вы не можете ехать дальше», - сказал один из всадников. «Здесь идёт война».

«Моё путешествие уже приближается к концу», - ответил алхимик, глядя незнакомцам прямо в глаза.

Немного помолчав, всадники, наконец, позволили юноше и алхимику продолжить свой путь.

Юноша, как зачарованный, следил за происходящим. «Ваш взгляд выражал превосходство над этими всадниками», - произнёс он.

«Твои глаза – это отражение мощи твоей души».

«Так и есть», - подумал Сантьяго. Он видел, там, в лагере, среди множества вооружённых кочевников, человека, который неотступно следил за его и алхимика передвижением. Этот человек стоял так далеко, что лицо его было практически неразличимо. Но юноша чувствовал, что он пристально смотрит на них.

Когда они миновали горную цепь, которая, казалось, растянулась по всему горизонту, алхимик сообщил Сантьяго, что до Пирамид осталось два дня пути.

«Если нам предстоит вскоре расстаться, научите меня алхимии».

«Об алхимии ты знаешь уже достаточно много. Это, как проникнуть в Душу Мира, и отыскать сокровище, которое оставили там для тебя».

«Нет, Вы не поняли меня. Я говорю о превращении свинца в золото»

Но алхимик молчал и заговорил, только когда они устроили привал. «Во вселенной всё имеет своё развитие. Для мудреца, золото – металл, совершенный в своём развитии. Не спрашивай меня почему. Я не знаю. Я лишь знаю о том, что Традиции всегда верны. Людям не свойственно прислушиваться к словам мудрых. Поэтому золото, вместо того, чтобы быть символом эволюции, стало основой конфликтов».

«Каждый предмет говорит на своём языке», - проговорил юноша. «Было время, когда мне казалось, что рёв верблюда – это просто рёв. Потом, этот рёв стал предвестником опасности. И сейчас, это снова, не более, чем обычный рёв».

Он замолчал, полагая, что алхимик наверняка знает об этом.

«Я знал истинных алхимиков, которые, для своего развития, запирались в лабораториях», - начал алхимик. «Они находили и Эликсир Жизни, и Философский Камень, потому что понимали: в процессе эволюции одного предмета или человека, эволюционирует всё, что его окружает. Были и другие, которые открывали Философский Камень совершенно случайно. У них был дар, и их души были готовы к таким вещам, в отличие от других людей. Но это не считается, потому что таких, единицы.

И, наконец, последние, которых интересует только золото. У этих, никогда не получится разгадать секрет. Потому что они забыли, что у свинца, меди и железа своё Предназначение, которое они должны исполнить».

Слова алхимика выражали сущность его мыслей. Он поднял, лежавшую на песке, ракушку: «Когда-то давно пустыня была морем»

«Я тоже об этом думал», - ответил юноша.

Алхимик сказал юноше приложить ракушку к уху. В детстве, Сантьяго обожал это занятие, потому что слышал внутри ракушек море.

«Море живёт в этой раковине, потому что это его Предназначение. И ракушка всегда будет шуметь морем, пока пустыня вновь не заполнится водой».

И, сев на коней, они поскакали по направлению к египетским пирамидам.

На закате, сердце Сантьяго заговорило с ним об опасности. Их окружали огромные дюны. Юноша посмотрел на алхимика, чтобы понять,

чувствует ли он опасность. Но поведение алхимика не говорило ни о чём. Пять минут спустя, юноша увидел двух всадников. Прежде, чем он успел сообщить об этом алхимику, всадников было уже десять, а ещё через мгновение, всадники были везде.

Это были кочевники. Даже издалека, юноша увидел, какую мощь души выражают глаза этих людей, глаза, которые говорили о смерти.

Их доставили в военный лагерь неподалёку. Солдаты втолкнули юношу с алхимиком в шатёр, где командующий обсуждал что-то со своими военачальниками.

«Эти двое – шпионы», - сказал один из солдат.

«Мы просто путешественники», - заявил на это алхимик.

«Вас видели в стане врага три дня назад. А ещё вы о чём-то говорили с ними».

«Я человек, странствующий по пустыне и разбирающийся в звёздах», - продолжил алхимик. «У меня нет никаких сведений ни о солдатах, ни о перемещении армий. Я просто сопровождаю моего друга».

«Кто твой друг?» - спросил командующий.

«Алхимик», - ответил алхимик. «Он разбирается в силах природы и хочет показать вам свои сверхъестественные способности».

Юноша молча слушал то, о чём говорил алхимик. Ему было страшно.

«Что чужеземец делает здесь?» - спросил один из военачальников.

«Он привёз деньги для вашего племени», - ответил алхимик, прежде, чем юноша издал хоть один звук. И, взяв мешок Сантьяго, алхимик отдал все деньги командующему.

Не сказав ни слова, араб взял деньги. Там было достаточно, чтобы купить много оружия.

«Кто такой алхимик?» - спросил командующий.

«Человек, которому подвластно всё. Ему достаточно лишь пожелать, и ваш лагерь будет сметён ветром».

Военачальники рассмеялись. Они привыкли к опустошениям, которые приносит война, но они также знали, что, ни один ветер не сможет нанести им такой удар. Однако, сердце каждого из них забило в груди

чуть сильнее. Ведь они были людьми пустыни и поэтому побаивались колдунов.

«Я хочу посмотреть на это», - заявил главнокомандующий.

«Ему понадобится три дня, чтобы превратиться в ветер и показать вам свою силу. Если же у него не получится сделать это, наши жизни будут полностью в ваших руках», - сказал алхимик.

«Ваши жизни итак в моих руках», - ответил на это командующий. Однако дал путешественникам три дня.

Юношу трясло от страха, но алхимик помог ему выбраться из шатра.

«Не дай им увидеть, что ты напуган. Они храбрые воины, которые презирают трусов»

Но от страха, у юноши отнялся даже язык. Он смог заговорить, только когда они уже были на приличном расстоянии от шатра. Арабам не было нужды связывать или охранять путников: они просто забрали у них лошадей. В этот раз мир разговаривал с ними на других, непонятных им языках: ещё недавно пустыня была бескрайней и свободной, сейчас же, она была неприступной стеной.

«Вы отдали им всё, что у меня было!» - воскликнул юноша. «Этого бы мне хватило до конца дней!»

«Что дали бы тебе деньги, если ты и так умрёшь? Твои деньги подарили нам ещё три дня жизни. Не часто деньги могут спасти человеку жизнь»

Но юноша был слишком напуган, чтобы внимать словам мудрости. Он понятия не имел, как превратиться в ветер. Он не был алхимиком! Меж тем, алхимик попросил у кочевников чай и вылил его на запястья Сантьяго. Волна блаженства прокатилась по телу юноши.

«Не поддавайся своим страхам», - сказал алхимик необыкновенно мягким голосом. «Если ты во власти страха, ты не сможешь говорить со своим сердцем».

«Но у меня нет ни малейшего представления о том, как превратиться в ветер».

«Человеку, выполняющему своё Предназначение, подвластно всё. Есть только одна вещь, способная разрушить исполнение мечты: страх неудачи».

«Я не боюсь неудач. Я просто не знаю, как стать ветром».

«Придётся научиться. Твоя жизнь зависит от этого».

«А что, если я не смогу?»

«Тогда ты умрешь на полпути к исполнению своего Предназначения. Это много лучше, чем умереть так, как умирают миллионы других людей, которые за всю жизнь так и не поняли, каково же их Предназначение. Но не бойся так. Обычно, угроза смерти, заставляет людей отчётливей осознать, для чего они живут».

Завершился первый из трёх дней. Неподалёку от лагеря состоялось крупное сражение между племенами, и лагерь наполнился ранеными. На место убитых солдат вставали другие. Жизнь шла своим чередом.

«Смерть не меняет ничего», - подумал юноша.

«Ты мог бы пожить ещё», - сидевший рядом солдат разговаривал с телом погибшего друга. «Ты мог бы дожить до окончания войны. Но, видно тебе было суждено умереть».

В конце дня юноша отправился к алхимику, который, как ни в чём не бывало, ждал своего сокола из пустыни.

«Я всё также не знаю, как превратиться в ветер».

«Вспомни, что я говорил тебе: слова – это лишь видимая сторона Бога. Алхимия занимается тем, что соединяет божественное совершенство, с материальной сущностью».

«А чем Вы заняты?»

«Кормлю сокола».

«Я не могу превратиться в ветер и поэтому мы скоро умрём, а Вы кормите сокола?!»

«Нет, умрёшь, скорее всего, ты один. Мне уже давно известно, как превратиться в ветер».

На второй день, юноша вскарабкался на скалу невдалеке. Стражники не вмешивались: до них уже дошли слухи о колдуне, который может превратиться в ветер, и поэтому они побоялись идти рядом с ним. Всё равно, сбежать из лагеря посреди пустыни было невозможно. Сантьяго провёл весь второй день, всматриваясь в пустыню и слушая её

сердце. Он понял, что пустыня почувствовала его страх.
Они оба говорили на одном языке.

На третий день, главнокомандующий, собрав всех военачальников, вызвал алхимика и сказал: «А теперь я хочу увидеть человека, который может обернуться ветром».

Юноша привел их на скалу, где он простоял весь вчерашний день.

«Подождите немного», - сказал он.

«Нам некуда торопиться», - ответил командующий. «Мы – люди пустыни». Сантьяго посмотрел на горизонт, на фоне которого, отчётливо виднелись горы. Вокруг были дюны, скалы и растения, которые наперекор всему росли там, где выжить, казалось, не представляло никакой возможности. Вокруг раскинулась бескрайняя пустыня, по которой он так долго странствовал и, несмотря на это, знал всего лишь крохотную её часть, в которой были и встреча с англичанином, и путешествие с караваном, и войны кочевников, и оазис, с его пятьюдесятью тысячами пальм и тремястами колодцами.

«Что сегодня тебе нужно от меня?» - спросила пустыня. «Разве тебе было недостаточно смотреть на меня весь вчерашний день?»

«Где-то в твоих песках, живёт та, которую я люблю. И каждый раз, вглядываясь в твои пески, мне видится она. Я хочу вернуться к ней, и поэтому мне нужна твоя помощь, чтобы я смог превратиться в ветер».

«Что такое любовь?» - спросила пустыня.

«Любовь – это полёт сокола над твоими песками. И твои пески для него – это дивные поля, откуда он всегда возвращается с добычей. Он знает твои скалы, дюны и горы, и поэтому ты щедра к нему».

«Сокол каждый раз забирает частицу меня. Годами забочусь я о животных, кормлю и пою их. И вот однажды, когда я люблюсь своим творением, с высоты небес камнем падает сокол и забирает тех, кого я так заботливо растила».

«Поэтому, сначала ты и создаёшь дичь. Чтобы накормить сокола. Сокол кормит человека. А человек, в конце концов, становится пищей для твоих песков, которые изобилуют дичью. Вот как устроен мир».

«Это и есть любовь?»

«Да! Это то, что заставляет дичь превратиться в сокола, сокола

превратиться в человека, а человека, в свою очередь, в пустыню. Это то, что превращает свинец в золото и заставляет его вернуться в землю».

«Я не понимаю, о чём ты говоришь».

«Пойми лишь одно. Где-то в твоих песках живёт та, которая ждёт меня. И именно поэтому, я должен превратиться в ветер».

Некоторое время пустыня молчала.

Затем она сказала: «Я дам тебе свой песок, чтобы помочь ветру дуть. Но одна я не справлюсь. Попроси помощи у ветра».

Задул лёгкий ветер. Кочевники, переговариваясь между собой на языке, которого Сантьяго не понимал, внимательно следили за ним.

Алхимик улыбался.

Ветер подлетел к юноше и коснулся его лица. Он знал об их разговоре с пустыней, потому что ветер знает всё. Ветер нигде не рождался и не умирал, но проникал в каждый уголок мира.

«Помоги мне», - попросил Сантьяго. «Однажды ты уже принёс мне звук голоса моей любимой».

«Кто научил тебя говорить языком пустыни и ветра?»

«Моё сердце».

У ветра множество имён. Здесь, в этой части света, его имя было сирокко, потому что он приносил на восток влагу с океана. В Испании, откуда Сантьяго был родом, его называли левантер, потому что верили, что именно он приносит с собой пески пустыни и отголоски мавританских сражений. Возможно, что там, вдали от пастбищ, где он путешествовал со своим стадом, люди думали, что ветер дует из Андалусии. В действительности же, ветер ниоткуда не прилетал и никуда не улетал. Он был везде. И поэтому, он был сильнее пустыни. Может быть, кто-то когда-то посадит в пустыне фруктовые деревья, начнёт разводить овец, но, что совершенно точно, никому и никогда не удастся покорить ветер. «Ты не сможешь стать ветром. Мы с тобой слишком разные».

«Это неправда. Во время путешествия, я узнал секреты алхимии. Во мне живут ветры и пустыни, океаны и звёзды, и всё, что создано вселенной. Нас всех создала одна и та же рука, и у нас одна и та же душа. Я хочу быть похожим на тебя: достичь каждого уголка земли, перелететь моря и океаны, сдуть пески, под которыми лежит моё сокровище и всегда слышать голос той, которую люблю».

«На днях я слышал твой разговор с алхимиком. Он сказал, что у всего есть своё Предназначение. Но люди, как бы они не старались, не могут оборачиваться ветром».

«Просто научи меня стать ветром всего на несколько мгновений, чтобы мы с тобой смогли поговорить о безграничных способностях людей и ветра».

Любопытство ветра росло с каждой секундой. Раньше с ним такого не случалось. Он очень хотел поговорить обо всех этих вещах... Но как превратить человека в ветер?! И ведь, сколько всего ветер способен был совершить: он создавал пустыни и топил корабли, выкорчёвывал целые леса и проносился сквозь города, наполненных музыкой и разными звуками. Он чувствовал, что сила его безгранична. Но вот, перед ним стоит юноша, говорящий о вещах, которые ему, ветру, ещё не доводилось делать.

«Вот что мы называем любовью», - проговорил юноша, видя, что ветер вот-вот исполнит его просьбу. «Ты способен на всё, когда тебя любят. Когда ты любим, тебе вовсе необязательно знать, что происходит вокруг, потому что всё происходит внутри тебя и даже перевоплощение в ветер, при условии, что сам ветер помогает тебе».

Ветер всегда был гордецом, и сейчас слова юноши разозлили его. Он принялся дуть с неистовой силой, поднимая в небо облака песка и пыли, пока не понял, что, даже облетев каждый уголок земли, и узнав все секреты мира, ему неподвластно превратить человека в ветер. И он ничего не знал о любви.

«Облетая землю, я не раз видел людей, которые, устремив взгляд к небу, говорили о любви», - ещё громче завыл ветер, понимая, что даже у его безграничности существуют границы. «Может быть, попросить помощи у неба?».

«Небо! Помоги мне!» - попросил юноша, подняв глаза к бескрайнему голубому куполу. «Пошли сюда песчаную бурю такой силы, чтобы она закрыла собой солнце, но не причинила мне вреда».

Налетевший неистовой силы ветер поднял песок, который мгновенно закрыл собой всё небо. Солнце превратилось в едва различимый золотой диск.

В лагере ничего нельзя было увидеть на расстоянии вытянутой руки. Люди пустыни очень хорошо знали этот ветер. Они называли его самум, и он был опаснее любого шторма в море. Животные надрывно ревели от страха, как бы моля о помощи. Все винтовки в лагере пришли в

негодность, забившись песком. На вершине скалы, один военачальник, обернувшись к главнокомандующему, сказал: «Может быть лучше прекратить это?»

Они могли различить силуэт юноши, лишь по смутным его очертаниям. В их глазах читался ужас.

«Это нужно остановить», - обратился к командующему другой военный. «Я хочу увидеть величие Аллаха», - с почтением в голосе ответил главнокомандующий. «Я хочу увидеть, как человек превращается в ветер».

Он запомнил тех двоих, проявивших слабость. Потом он сместит их с должностей военачальников, потому что люди пустыни не имеют права испытывать страх.

«Ветер сказал, что ты знаешь, что такое любовь», - сказал юноша, обратившись к солнцу. «Если ты знаешь что такое любовь, то ты должно знать и о Душе Мира, потому что она – творение любви».

«Оттуда, где я нахожусь», - ответило солнце, - «я вижу Душу Мира, которая разговаривает с моей душой. Вместе мы – сила, которая заставляет растения расти, а овец отыскивать тень, чтобы укрыться от жары. Оттуда, где я нахожусь, а я очень далеко от земли, я узнало, что значит любить. Ведь приблизившись к земле чуть ближе, я сожгу на ней всё живое вместе с Душой Мира. И поэтому мы просто живём друг для друга: я даю ей жизнь и тепло, а она дарит мне свою любовь».

«Поэтому ты знаешь, что такое любовь»

«И я также знаю Душу Мира, с которой мы, несмотря на нашу отдалённость друг от друга, беседуем, путешествуя по бескрайним просторам вселенной. Она рассказывает мне, что её тревожит то, что лишь неживые предметы с растениями понимают, что всё едино. Что железу, например, не нужно быть таким же, как медь, или меди походить на золото. Они выполняют свою, лишь для них одних уникальную, задачу, и мир наполнился бы гармонией совершенства, если бы рука, создавшая всё вокруг, остановилась на пятый день творения».

«Но был ещё день шестой!» - продолжило солнце.

«Ты – воплощение мудрости», - заговорил юноша. «Но ты ничего не знаешь о любви. Если бы не было шестого дня, не появился бы человек. Медь навсегда осталась бы медью, а свинец – свинцом. И это правда, что у всего есть своё Предназначение. Но однажды Предназначение этих вещей будет выполнено. И что тогда? Смогут ли они сами превратить

себя во что-то лучшее, чтобы получить новое Предназначение? И, в конце концов, Душа Мира останется одна».

Солнце подумало над словами юноши и решило начать светить ярче обычного. Ветер, который пришёл в восторг от услышанного, стал дуть с неистовой силой, чтобы солнце не ослепило юношу.

«Алхимия существует вот для чего», - продолжил юноша. «Чтобы каждый искал своё сокровище, нашёл его, а потом захотел стать лучше, чем был в своей прошлой жизни. Роль свинца будет выполнена, как только мир перестанет в нём нуждаться. И вот тогда свинцу придётся превратиться в золото.

А вот, что делают алхимики. Они показывают, что когда мы прилагаем все усилия, чтобы стать лучше, чем мы есть, всё, окружающее нас, тоже бесспорно становится лучше».

«Допустим», - произнесло солнце. «А почему ты сказал, что я ничего не знаю о любви?»

«Потому что это не любовь, когда ты, как пустыня, не двигаешься с места. Это не любовь, когда ты, как ветер, бесцельно странствуешь по свету. И это не любовь, когда ты, как солнце, наблюдаешь за всем, что происходит, издали. Любовь – это сила, преображающая и улучшающая Душу Мира. Когда я впервые достиг Души Мира, я полагал, что она идеальна. Позже я увидел, что она похожа на все остальные формы творения, что в ней живут и страсть, и война. Это человек питает Душу Мира. **И от того, станет ли человек лучше или хуже, зависит, станет ли мир, в котором мы живём лучше или хуже.** Вот тут-то и проявляется сила любви. Потому что, когда мы любим, мы всегда стремимся стать лучше, чем мы есть».

«А от меня-то ты что хочешь?» - удивлённо спросило солнце.

«Чтобы ты помогло мне превратиться в ветер».

«Мир знает меня, как мудрейшее творение», - заявило солнце. «Но я не знаю, как превратить тебя в ветер».

«Тогда кого мне просить?»

Солнце замолчало, задумавшись. Ветер, который внимательно слушал их беседу, уже был готов разнести по всему свету весть, что мудрость солнца неограничена. Что солнце не в состоянии помочь юноше, говорящему на Языке Мира.

«Поговори с тем, кем всё предначертано», - произнесло, наконец, солнце.

Услышав это, ветер пришёл в неопределимый восторг, и задул так сильно,

как никогда ещё не дул со дня своего творения. Людей, животных и шатры в лагере разметало по пустыне. На скале, люди в страхе держались друг за друга, боясь сорваться вниз.

И юноша обратился к тому, кем было предназначено всё вокруг. И, как только он это сделал, то почувствовал, что вся вселенная погрузилась в тишину. Он тоже решил не произносить ни слова. Вместо него словами любви заговорило его сердце и юноша начал молиться.

Это была молитва, о существовании которой, он даже не подозревал, потому что это была молитва, в которой не было ни слов, ни мольбы. Его молитва не возносила хвалу за новые пастбища для овец. Она не просила о том, чтобы юноша смог продавать больше хрусталя. И она не умоляла, чтобы та, которую он повстречал, не переставала ждать его возвращения. И в тишине, юноша понял, что пустыня, ветер и солнце тоже пытаются прочесть знаки, оставленные рукой, предназначавшей всё, а ещё, хотят пройти по пути, уготованному лишь для них, и понять, что же было написано на поверхности Изумрудной Таблицы. Он увидел, что земля и вселенная изобилуют знаками, которые не нужно специально отыскивать. Он смог увидеть, что никто: ни пустыня, ни ветер, ни солнце, ни люди, не понимают, для чего они все были созданы. Но у Творца, на каждого есть свои планы, и только Он может творить чудеса, или превращать моря в пустыни..., а человека в ветер. Потому что только Он понял, в чём весь этот грандиозный замысел, который перенёс вселенную к точке, где шесть дней творения превратились в Величайший Шедевр.

Сантьяго, проникнув в Душу Мира, увидел, что она была частицей Души Бога. И он понял, что Душа Бога – это и его душа. И, что он, юноша, может творить чудеса.

В тот день самум дул, как никогда раньше. Ещё не одно поколение арабов будет передавать из уст в уста легенду о юноше, который смог обернуться ветром и практически полностью разрушить военный лагерь, что не удавалось сделать многим армиям.

Когда самум стих, все обернулись к тому месту, где стоял Сантьяго, но его там не было. Он стоял в лагере, около засыпанных песком стражников.

Люди были ужасно напуганы этим колдовством. Но среди них были двое, которые улыбались: алхимик, который, наконец, отыскал своего лучшего ученика и главнокомандующий, потому что этот юноша понял величие Бога.

На следующий день главнокомандующий отпустил Сантьяго и алхимика,

дав им охрану, которая должна была сопровождать их до места назначения.

Они ехали весь день, и к вечеру добрались до Коптского монастыря. Алхимик спешился и сказал, сопровождавшим их людям, что они могут вернуться назад в лагерь.

«Дальше ты поедешь один», - сообщил он юноше. «Ты в трёх часах пути от Пирамид».

«Спасибо», - ответил Сантьяго. «Ты научил меня Языку Мира».

«Я всего лишь помог проявиться твоим способностям».

Алхимик постучал в двери монастыря. Через некоторое время появился, одетый во всё чёрное, монах. Несколько минут они разговаривали на коптском языке. Затем, алхимик велел Сантьяго войти внутрь.

«Я попросил у него разрешения, воспользоваться кухней», - с улыбкой произнёс алхимик.

Они прошли на кухню, которая располагалась на заднем дворе монастыря. Алхимик развёл огонь, а монах принёс ему немного свинца, который был немедленно помещён в железный таз. Когда свинец стал жидким, алхимик достал из своего мешка странный предмет, напоминавший яйцо жёлтого цвета, соскоблил с него тонкую полоску, обернул её воском и добавил в таз, в котором плавился свинец. Жидкость приобрела кроваво-красный оттенок. Алхимик снял с огня таз и оставил его остывать. А пока, они стояли и разговаривали с монахом о межплеменных войнах.

«Не думаю, что война скоро закончится», - сообщил он монаху.

Монах был расстроен. У него частенько останавливались путники, которые в стенах монастыря переживали окончание войны.
«На всё воля Божья!» - сказал он.

«Совершенно верно», - отозвался алхимик.

Когда таз остыл, монах с юношей заглянули внутрь и были ослеплены необычайно ярким сиянием. Вместо свинца на дне таза сверкало золото.

«Я научусь когда-нибудь этому?» - поинтересовался Сантьяго.

«Это моё Предназначение, не твоё. Я просто хотел показать тебе, что это возможно», - последовал ответ.

Они вернулись к дверям монастыря. Там, алхимик разделил золото на четыре равные доли.

«Это Вам», сказал он, протягивая одну из частей монаху. «За Ваше великодушие к паломникам».

«Но это слишком щедрая плата за моё великодушие», - возразил монах.

«Не говорите так никогда. Жизнь может Вас услышать и в следующий раз даст совсем немного».

Алхимик повернулся к юноше: «Это тебе. Возмещение того, что ты отдал генералу».

Сантьяго хотел было возразить и сказать, что это намного больше, чем то, что он отдал генералу, но промолчал, потому что усвоил сказанное алхимиком монаху.

«Это для меня», - произнёс алхимик, убирая одну часть к себе в мешок. «Потому что я должен вернуться в пустыню, в которой идёт война».

Он протянул четвертую часть монаху: «Это для юноши. Если он когда-нибудь придёт за ним».

«Но ведь ещё немного, и я найду свои сокровища!»

«И я в этом абсолютно уверен», - согласился алхимик.

«Тогда для чего?»

«Потому что ты уже дважды лишился приобретённого. Первый раз в Танжере, а второй – в военном лагере. Я старый, суеверный араб, который верит поговоркам, одна из которых звучит так: «Произошедшее единожды, не произойдёт во второй раз. Но всё, что произошло дважды, непременно произойдёт и в третий раз».

«Напоследок я хочу рассказать тебе историю о снах», - сказал алхимик.

«В древнем Риме, во времена императора Тиберия, жил очень хороший человек, у которого было два сына. Один из них был военным, и всегда отсылался в самые удалённые области империи. Другой же, был поэтом, и улаждал римлян своими прекрасными стихами.

Однажды ночью этому человеку приснился сон. Перед ним явился ангел и сообщил, что слова одного из его сыновей станут известны и будут повторяться всеми людьми из поколения в поколение. Человек проснулся в слезах, преисполненный благодарности за то, что жизнь щедра к нему, и открыла ему то, чем может гордиться каждый отец.

Вскоре этот человек погиб под колёсами колесницы, спасая ребёнка. А так как он прожил свою жизнь честно и правильно, душа его немедленно вознеслась на небеса, где его встретил ангел, который являлся ему во сне.

«Ты всегда был хорошим человеком», - сказал ему ангел. «Ты прожил свою жизнь в любви, и умер благородно. И теперь я могу наградить тебя тем, чем ты пожелаешь».

«Жизнь была справедлива ко мне», - ответил человек. «Когда ты явился мне во сне, я почувствовал, что все мои старания были вознаграждены, потому что стихи моего сына будут известны многим поколениям людей. Я не прошу для себя ничего. Но каждый отец будет горд славой, пришедшей к тому, кого он растил, о ком он заботился, и кого он учил. Я хотел бы увидеть, как в далёком будущем повторяют слова моего сына»

«Ангел взял человека за плечо, и оба они оказались в далёком будущем. Они стояли на огромной площади, окружённые тысячами людей, говорящих на непонятном языке. От счастья человек расплакался».

«Я знал, что стихи моего сына обретут бессмертие. Скажи, какое из стихотворений моего сына повторяют эти люди?»

Ангел приблизился к человеку и заботливо усадил его на скамейку.

«Стихи твоего сына были очень известны в Риме. Все были в восторге от них. Но, когда закончилось правление Тиберия, их предали забвению. Слова, которые ты слышишь сейчас, принадлежат твоему сыну, бывшему военным».

Мужчина в удивлении посмотрел на ангела.

«Твой сын отправился служить в одну из отдалённых провинций империи и там стал центурионом. Он был честным и справедливым. Однажды, заболел один из его приближённых, и дела его были так плохи, что он уже вот-вот должен был умереть. До твоего сына дошёл слух о раввине, который мог лечить все болезни. Он сам отправился на его поиски и в пути узнал, что человек этот – Сын Божий. Твой сын видел многих излеченных им людей, слышал много рассказов о его

проповедях. И, несмотря на то, что он был Римским Центурионом, он обратился в новую веру. Вскоре после этого, он нашёл того, кого искал.

Твой сын рассказал ему о тяжёлой болезни своего воина, и раввин был готов немедленно отправиться в дорогу вместе с ним. Но центурион настолько проникся новой верой, что, глядя в глаза раввину, он был абсолютно уверен, что стоит перед Сыном Божиим.

И вот, что сказал твой сын, стоя перед раввином. И слова эти никогда не забудутся: «Мой Бог! Я не достоин того, чтобы твоя нога переступила порог дома моего. Но скажи всего одно слово, и слово это будет лекарством».

Алхимик сказал: «Неважно, кто чем занимается. Каждый человек на земле играет главную роль в истории мира. Правда, многие об этом не догадываются».

Сантьяго улыбнулся. Раньше он и предположить не мог, что такие вопросы о жизни могут что-то значить для пастуха.

«Прощай!»- сказал алхимик.

«Прощай!»- отозвался Сантьяго.

Сантьяго уже несколько часов ехал по пустыне, с жадностью вслушиваясь в слова своего сердца. Ведь именно оно должно было подсказать юноше место, где скрыты сокровища.

«Там, где твои сокровища, там же будет и твоё сердце», - вспомнились слова алхимика.

Но сердце его говорило о совершенно других вещах. Оно с гордостью рассказывало историю о пастухе, который оставил стадо овец, чтобы последовать за своей мечтой. Оно рассказывало о Предназначении, и о многих мужчинах, которые странствуют в поисках неизведанных мест и прекрасных женщин, каждый день встречая других людей со своими предрассудками. Оно говорило о путешествиях, открытиях, книгах и переменах.

Взбираясь на дюну, Сантьяго услышал шёпот своего сердца: «Знай, что там, где прольются твои слёзы, буду я, и там же будут сокровища».

В звёздном небе, как и всегда, появилась полная луна: прошёл уже месяц с тех пор, как Сантьяго покинул оазис. Свет от луны падал на дюны, которые, отбрасывая тени, создавали иллюзию волнующегося

моря. Эта картина напомнила ему день, когда перед ним возник гигантский конь, на котором сидел алхимик.

Когда он взобрался на вершину дюны, в груди, от увиденного, заколотилось сердце. Перед ним, освещённые светом луны, в блеске пустыни, торжественно стояли величественные египетские пирамиды.

Сантьяго упал на колени и заплакал. Юноша возносил хвалу небесам, за то, что Бог заставил его поверить в своё Предназначение. За то, что Он познакомил его с царём, с торговцем, с англичанином и с алхимиком. Но больше всего он благодарил за встречу с той, которая сказала ему, что любовь никогда не заставит мужчину отказаться от выполнения своего Предназначения.

И сейчас, если бы он только захотел этого, он мог бы вернуться в оазис, назад к Фатиме, и вновь стать обычным пастухом. Ведь продолжает же алхимик, несмотря на то, что он узнал Язык Мира, узнал, как превращать свинец в золото, жить в пустыне. Потому что ему не нужно было ничего и никому доказывать. Сантьяго сказал себе, что идя к исполнению своего Предназначения, он узнал всё необходимое, и изведal всё, о чём можно было только мечтать.

Но он был здесь, в месте, где ему предстоит отыскать сокровища. Он напомнил себе, что ни одно дело нельзя считать завершённым, пока цель не будет достигнута.

Сантьяго посмотрел на окружавшие его пески и увидел, что там, где упали его слёзы, бегают скарабеи. Живя в пустыне, он узнал, что в Египте скарабей считается символом Бога.

Ещё один знак! И он принялся копать. Раскапывая песок, юноша вспомнил торговца хрусталём, который однажды сказал, что любой может построить у себя во дворе пирамиду. Но даже если он будет возводить пирамиду всю свою жизнь, ему не удастся построить и половины. Всю ночь Сантьяго копал, но не нашёл ничего. Он чувствовал себя песчинкой рядом с пирамидами. Но он не останавливался и изо всех сил продолжал копать дальше, стараясь опередить ветер, который постоянно задувал песок обратно в вырытую яму. Руки ныли, кожа на ладонях была содрана, но он продолжал слушать своё сердце, которое говорило ему копать там, где упали его слёзы. Пытаясь сдвинуть несколько камней, которые мешали ему копать дальше, юноша услышал звук шагов. Перед ним возникли несколько фигур. В темноте Сантьяго не мог различить их лиц.

«Что ты здесь делаешь?»- резко спросил один из незнакомцев.

Сантьяго от страха язык проглотил. Он нашёл место, где зарыты сокровища, а теперь ему было страшно от того, что может случиться.

«Мы бежим от войны, и нам нужны деньги»,- сказал другой. «Что ты там прячешь?»

«Ничего»,- ответил юноша.

Один из мужчин рывком вытащил Сантьяго из ямы. Другой, принялся рыскать в его вещах.

«Здесь золото!»- воскликнул он.

Луна осветила лицо араба, и в его глазах Сантьяго увидел смерть.

«Здесь, наверное, полно золота». Они заставили юношу копать глубже и глубже. Ничего...

С восходом солнца мужчины принялись избивать Сантьяго. Он был весь в синяках, кровь сочилась из ран, одежда была разорвана на клочки. Юноша чувствовал, смерть была где-то рядом.

«Что для тебя деньги, если ты всё равно умрёшь? Не часто деньги спасают чью-то жизнь»,- сказал однажды алхимик. Наконец, юноша закричал: «Я ищу здесь сокровища». И, хотя изо рта его текла кровь, а язык был невероятно раздут, он рассказал нападавшим свои сны о сокровищах, спрятанных у египетских пирамид.

Главарь нападавших, сказал своим товарищам: «Оставьте его. У него больше ничего нет. А это золото, он наверняка у кого-то украл».

Теряя сознание Сантьяго упал на песок. Главарь потряс его за плечо: «Мы уходим».

Но, прежде, чем уйти, он ещё раз подошёл к юноше и сказал: «Ты не умрёшь. Ты будешь жить и поймёшь, что человек не должен быть настолько безумным, чтобы верить снам. Два года назад, здесь, на этом самом месте, мне несколько раз снился один и тот же сон. Мне снилось, что я должен ехать в Испанию, найти разрушенную церковь, в которой спят пастухи со своими стадами. Во сне, я видел огромное дерево, которое росло внутри этой церкви. Мне было сказано, что если я раскопаю землю под корнями того древа, то найду спрятанные там сокровища. Но я не настолько глуп, чтобы пройти всю пустыню, просто потому, что я несколько раз видел один и тот же сон».

Сказав это, мужчины исчезли.

Сантьяго, пошатываясь, встал на ноги и опять взглянул на Пирамиды. Казалось, они смеются над ним. Он рассмеялся в ответ. От радости его

сердце готово было вырваться из груди.

Потому что теперь он точно знал, где лежат его сокровища.

ЭПИЛОГ

Сантьяго добрался до заброшенной церкви с наступлением ночи. Платан всё так же рос в старой ризнице. А сквозь полусгнившую крышу всё также были видны звёзды. Он вспомнил время, проведённое им здесь со своим стадом. Это была тихая ночь... если бы не сон.

И вот он снова здесь. Без стада, но с лопатой.

Сантьяго уселся и долго смотрел на звёзды. Затем, достал из мешка бутылку вина и сделал несколько глотков. Он вспомнил ту ночь в пустыне, как сидя рядом с алхимиком, они смотрели на звёзды, и пили вино. Юноша вспомнил то множество дорог, которые он прошёл. Затем подумал о том удивительном способе, выбранном Богом, чтобы указать ему на сокровища. Если бы он не поверил значимости повторяющегося сна, он бы никогда не встретился со старухой цыганкой, царём, грабителем или...

«Ну, список довольно длинный. А ведь все дороги были наполнены знаками, которые точно не дали бы мне сбиться с пути», - подумал он.

Сантьяго проснулся, когда солнце уже высоко стояло над горизонтом. Он принялся копать у корней платана.

«Хитрец», - прокричал юноша, глядя в небеса. «Ты знал всё с самого начала. Ты даже оставил немного золота в монастыре, чтобы я смог вернуться сюда, к этой церкви. Монах хохотал, когда увидел меня в лохмотьях. Разве ты не мог уберечь меня от всего этого?»

«Нет», - услышал он, принесённый ветром голос. «Если бы я рассказал тебе всё, ты не увидел бы пирамид. Правда, они прекрасны?!»

Сантьяго улыбнулся. Через полчаса его лопата ударилась обо что-то твёрдое, а спустя час перед ним стоял сундук, доверху набитый испанскими золотыми монетами, драгоценными камнями, золотыми масками, и статуэтками, инкрустированными бриллиантами. Захваченные трофеи, о которых здесь уже давно позабыли и о которых

не расскажет своим детям и внукам, давно покоящийся в земле, конкистадор.

Сантьяго достал Урим и Тумим. Он прибегнул к их помощи лишь однажды, там, на рыночной площади. И без них, на его жизненном пути было предостаточно знаков. Юноша положил Урим и Тумим в сундук. Теперь они тоже стали частью его сокровищ, потому что напоминали о старом царе, которого он никогда больше не увидит.

«В самом деле, жизнь щедра к тем, кто неотступно следует за своим Предназначением», - подумал он.

Потом он вспомнил, что ему необходимо вернуться в Тарифу, чтобы отдать десять процентов сокровищ гадалке, как он и обещал. «Эти цыгане довольно умны. Может это всё потому, что они часто переезжают с места на место», - предположил юноша.

Вновь подул ветер. Левантер – ветер, дующий с берегов Африки. Но сейчас, он донёс до Сантьяго не запах песков пустыни и не грозное предзнаменование о наступающих маврах. Сейчас ветер донёс до него аромат, который он не спутал бы ни с чем на земле, и лёгкое прикосновение поцелуя, который медленно растаял на его губах.

Сантьяго улыбнулся.

«Я иду к тебе, Фатима!»

КОНЕЦ